

ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ПОЦЕЛУЙ
ОТЛОЖЕННОЙ
СМЕРТИ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Дарья Кожевникова

Поцелуй отложенной смерти

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Поцелуй отложенной смерти / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2020 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-115509-4

Лиза никак не хотела принимать такой дорогой подарок – роскошные серьги из фамильной коллекции драгоценностей Устины Павловны, но и огорчать старушку не хотелось. За короткое время они очень подружились, ведь, кроме собачки Туси, у Устины Павловны никого не осталось, а Лиза ухаживала за ней в больнице. Сын пожилой женщины погиб много лет назад, невестка ушла, а единственный внук угодил в тюрьму. Только коллекция уникальных драгоценностей скрашивала ей одинокую старость. Именно из-за нее Устину Павловну и убили, а сама Лиза оказалась втянута в криминальные неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115509-4

© Кожевникова Д. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	20
5	28
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дарья Кожевникова

Поцелуй отложенной смерти

© Кожевникова Д.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Пожилая женщина сделала глоток чая, поставила тонкую фарфоровую чашку на блюдце. И покачала головой, обращаясь к своей куда более молодой собеседнице:

– Нет, Лизонька, ты как хочешь, а я тебе скажу, что молодость и мудрость – вещи несовместимые. Будь молодой человек хоть семи пядей во лбу! Потому что дело не в его умственных способностях. Мудрость – она копится, как пласты горных пород, или приходит, как шрамы после ран: только с жизненным опытом. Надо многое пережить, пропустить через себя, все это прочувствовать. И вот тогда ты начнешь понимать этот мир по-другому, иногда даже словно бы изнутри. Перемоловшись и слившись с ним. И всех людей, со всеми их слабостями и горестями, начнешь воспринимать совершенно иначе... Но что я об этом с тобой сейчас говорю! Лет после сорока да с хорошим хвостиком ты меня вспомнишь и сама поймешь, что я имела в виду! А пока тебе сколько? Пока тебе всего двадцать девять!

– Тридцать, – тихонько поправила Лиза.

– Как?! Уже?! – женщина заметно смутилась. – Подожди-ка, какое у нас сегодня число?! Боже мой, боже!!! Как неудобно! Лизонька, поверь, я ведь помнила! Ах, как же я так!? Вот оно, пенсионное существование! Помнишь, когда у твоих дорогих людей дни рождения, но совершенно не помнишь, в каком из дней ты живешь! Ах ты, господи!

– Устинья Павловна, да будет вам, – Лиза накрыла ее руку своей. – Провела я этот день на работе, дежурила сутки. Так что торжественности в нем не было ни под каким углом. Еще и смена была из таких, что день можно считать за два. Телефон разрывался – думала, уползет из кармана от вибрации, но ответить возможности не было. Впопыхах тортик замяли с девчонками, уже на ночь глядя – вот и весь праздник.

– Нет, но я-то как оплошала!

– Ну хватит вам, правда, не стоит расстраиваться! А то сейчас накрутите себя, давление подскочит. А нам ведь этого не надо, правда?

Устинья Павловна улыбнулась:

– Лизонька, не хитри! И леший с ним, с давлением этим! Ты же знаешь, как я ненавижу, когда кто-то над ним трясется, перемеривая по сто раз на дню!.. Ты знаешь что? Сбегай-ка вниз, купи нам тортика! Хоть так отметим... А я тебе пока подарок достану, он у меня давно уж готов! Я так решила, что подарю именно это и именно тебе, на твой юбилей.

Лиза вздохнула: ну к чему все это?! Однако спорить не стала. Тем более что и кафе, в которое ее отсылали, было в этом же доме, на первом этаже. Только спуститься да по улице сделать пару шагов. Так что тортик Лиза принесла быстро. Выбрала тот, что поменьше, с воздушным кремом – они с Устиньей Павловной, ее «подшефной», обе такие любили. И чаепитие продолжилось, только теперь уже в более торжественной обстановке. Поначалу. Потому что потом Устинья Павловна подняла с пола Тусечку, свою собачку, все это время выпрашивавшую торта. И, усадив ее к себе на колени, принялась кормить из руки, отламывая небольшие кусочки.

– Надо было сразу ее за стол посадить, – сказала Лиза насмешливо. – Потому что все равно с самого начала было ясно, что вы не выдержите и, в конце концов, все-таки дадите ей снова сладкого, вредно оно ей там или нет.

– Ну что делать? Ветеринар нам это строго запретил, но ведь отказывать себе в удовольствиях тоже бывает вредно! Да, Тусечка? – умильно спросила пожилая женщина у тоже уже немолодой собачки, с которой на пару они и коротали в этой квартире свой век.

Туся тут же отреагировала на хозяйкины слова: поставила лапки ей на грудь и принялась вылизывать лицо, преимущественно губы.

Лиза отвела глаза, чтобы только этого не видеть: она не выносила таких сцен.

Бр-р-р! Вот уж гадость!

Хотя в целом собачка Лизе нравилась: хорошенькая, золотистого окраса, с пушистыми ушками и хвостиком, с красивыми большими глазами, словно бы обведенными по краю сурьмой. И, опять же, умница, чистоplotная, спокойная, ненавязчивая, а хозяйку так вообще понимает с полуслова.

– Ну на, на, толстушка ты моя, – сказала Тусе Устинья Павловна, тем самым давая Лизе понять, что они снова вернулись к поеданию торта и что можно спокойно поворачиваться к столу.

Она и повернулась. Улыбнулась, глядя на хозяйку с собачкой. Не зря же говорят, что хозяева со своими питомцами становятся похожи друг на друга в течение жизни! Вот и в этой парочке было что-то неуловимо схожее. Например, то, как Туська ест: даже зная, что пользуется в данный момент хозяйской слабостью, над которой в любой момент может возобладать здравый смысл, собачка делала это очень аккуратно, изящно. Только что губки салфеткой не промокала, как сделала бы это сама Устинья Павловна.

– Ладно, будет с тебя, – здравый смысл все-таки возобладал, и Туська вернулась обратно на пол. Вздохнула почти по-человечески, зная, что повторного счастья не выпадет.

– Что делать, милая? В нашем возрасте уже приходится себя ограничивать, – посочувствовала ей хозяйка. – И кстати, о возрасте... Лизонька, это тебе! Не вздумай отказываться, я уже давно все решила! И я так хочу! – Бархатная коробочка, выгащенная женщиной из кармана, легла на стол. – Примерь!

Лиза в растерянности застыла перед подарком. Она еще не знала, что там может быть, зато знала, что о коллекции Устиньи Павловны ходят легенды в узком кругу специалистов. Потому что лишь подлинные знатоки могли по достоинству оценить те ювелирные изделия и серию миниатюрных картин на эмали, частью еще и в драгоценной оправе, которые достались женщине по наследству от прадеда. По слухам, незаконного потомка очень знатных кровей. Устинья Павловна не любила об этом говорить, и Лиза поэтому не спрашивала. Но слышала, что коллекция, каким бы путем она ни попала в семью, в самом деле была уникальной. А коробочка, что лежала сейчас на столе, была явно не современной работы.

– Лизонька, я жду! – нетерпеливо напомнила о себе женщина. Потом сама раскрыла коробочку. – И пожалуйста, не заставляй себя уговаривать.

– Устинья Павловна, я не могу! – воскликнула Лиза, увидев лежащие на бархате серьги. Действительно из коллекции, потому что она видела их в каталоге!

– Что именно ты не можешь? Взять эти побрякушки или обидеть отказом старую больную женщину? Выбор, моя девочка, за тобой!

– Да разве я... – Лиза осеклась, не зная, как продолжить. Потом попробовала начать снова:

– Вы же должны знать, что я просто так к вам прихожу, без всяких корыстных мыслей! Просто помогаю! Потому что взамен вы, сами того не зная, очень многое мне даете при каждой встрече. Общение с вами – вот главная ценность! В наше время так мало осталось подобных вам людей. И мне так интересно вас слушать!

– Ну так и слушай на здоровье. Тоже бескорыстно. А серьги возьми! Или ты думаешь, я не вижу, что ты представляешь собой? Нет, милая, вижу прекрасно! Именно в этом частично и заключается мудрость: в умении распознать человека. И когда я хочу сделать хорошему человеку подарок, он не должен отказываться, потому что это желание исходит от самого сердца. Давай, примеряй уже, наконец! Мне не терпится на тебя посмотреть!

Лиза решилась.

Вынув из ушей свои серьги, она вдела эти, длинные и тяжелые. Под оценивающим взглядом Устиньи Павловны подошла к зеркалу. Рука сама потянулась подобрать распущенные волосы. И плечи расправились будто сами собой.

Лиза не знала, какая красавица-аристократка могла блистать в этих серьгах больше века назад, но, едва надев их, почувствовала себя причастной к тем далеким временам, к тому сословию.

– Ах, хороша ты, девонька! – одобрила Устинья Павловна. – Я была уверена, что они тебе подойдут!

– Но все же я считаю, что такой подарок – это перебор! – опустив волосы, Лиза развернулась от зеркала, лицом к пожилой женщине. – Он слишком ценен! И потом, возьмишь я их носить, мне же их с ушами вырвут в первом же переулке! А у вас скоро ваш Ярик вернется домой, и ему на первое время будут деньги нужны.

– В переулках не носи, это не повседневная вещь. А вот если ты не наденешь их на свою свадьбу, когда, наконец, соберешься замуж пойти, то я тебе этого не прощу. Что же касается Ярослава, то коллекция неприкосновенна для повседневных житейских целей. И вообще, настоящий мужчина должен уметь находить выход из любой ситуации, ни на кого не рассчитывая. А я очень надеюсь на то, что мой внук как раз является настоящим мужчиной. Об этом говорит и та статья, по которой его осудили. Не каждый так смело смог бы расквитаться за оскорбление, нанесенное его девушке.

– Не каждый, – согласилась Лиза.

Да, как она уже знала из рассказов, Ярослав буквально размазал по стенке троих подонков. Но и то, что они совершили до этого, было слишком мягко назвать «оскорблением». Просто воспитанная Устинья Павловна не могла произнести вслух слово «изнасилование», вот и выкручивалась, подыскивая менее отвратительные определения. Однако само преступление от этого менее отвратительным не становилось.

– Он у вас молодец. Таких, как он, не осуждать, а чествовать надо.

– Он у меня дурачок, – женщина тяжело, с надрывом вздохнула. – Потому что кто-кто, а эта девица не стоила таких жертв. И трех лет после его ареста не продержалась, выскочив замуж! В то время как он сел исключительно из-за нее! А ведь я ему говорила, еще когда они только начинали встречаться, что не пара она ему. Ну не по душе она мне была, хоть убей! Но Ярик, не обладая мудростью своей бабки, и слышать ничего не хотел! Он у меня такой, человек крайностей: либо ничего, либо все. И в чувствах так же: редко к кому привязывался, но уж если к кому-то оказывался неравнодушен, то все до последней капли крови готов был отдать. И уж чем она его приворожила к себе? Не знаю, не знаю. Не в его обычаях было размениваться на ширпотреб, а тут вдруг что-то на него нашло. Может, и впрямь приворожила?

Не зная, что на это ответить, Лиза лишь легонько пожала плечами в ответ. Серьги закачались от этого движения, напоминая ей о себе. Она аккуратно сняла их, чтобы положить обратно в коробочку – украшение и в самом деле было не повседневное. А Лизе еще предстояло с ним возвращаться домой. На такси теперь, разумеется, но все равно...

– Я там, на крышечке, с внутренней стороны, сделала тебе дарственную надпись, – сообщила ей Устинья Павловна. – Чтобы ты меня помнила, не забывала. Ну и просто читала мои пожелания всякий раз, как откроешь, – говорят, мысль материализуема, вот и будем внедрять этот метод в практику.

– Спасибо, – Лиза улыбнулась, прочитав то, что пожилая женщина написала ей какими-то специальными чернилами, своим красивым, каллиграфическим почерком на светлой подкладке из шелка. – Огромное спасибо вам за эти слова. Но вот сам подарок... Устинья Павловна, мне не по себе от такого!

– Раз не по себе, то убери его в сумочку! – потребовала Устинья Павловна. – Чтобы не попыталась его забыть на столе, а то с тебя станется! Эти серьги твои, окончательно и бесповоротно, и это больше не обсуждается, если только ты не хочешь меня обидеть! И еще, Лизонька, квитанции мои заодно заберишь, пока я о них помню?

– Конечно! – под пристальным вниманием пожилой женщины Лиза сунула в раскрытую сумочку бархатный футляр.

Она по-прежнему считала, что не должна принимать такой безумно дорогой подарок, но именно сейчас не видела возможности от него отказаться мирным путем. Решила, что позже попробует это сделать в более подходящее время. Вслед за футляром в сумочку отправился конверт с платежками и деньгами.

– Послезавтра заплачу все и занесу вам вечером корешки. А вы подумайте, не надо ли вам будет что-то купить по дороге, и, если что, звоните.

2

Устинья Павловна не позвонила, но Лиза особо и не ждала ее звонка: крупные покупки женщине требовалось совершать очень редко, а за мелкими она спускалась и сама, благо все магазины были у нее фактически под боком. Не было рядом только сберкассы, отчего Лиза и забирала у нее квитанции, чтобы по ним заплатить за квартиру и прочие услуги.

Заплатив, позвонила, договорилась о том, что встретится с женщиной на улице: та как раз выходила выгулять свою растолстевшую Тусечку. О самом месте встречи можно было не договариваться: возле дома Устиньи Павловны был единственный небольшой пятачок зеленых насаждений, который, за неимением ничего лучшего, гордо именовался местным парком.

Там они и гуляли: хозяйка впереди, а собачка, давно приученная к лотку и вообще не понимающая смысла этих прогулок, обычно плелась за ней следом, даже без поводка, потому что не было смысла ее привязывать. Туся была для этого слишком послушной и неторопливой собачкой.

Иногда она немного отставала, чтобы обнюхать-таки какую-нибудь особенно интересную веточку, потом так же неторопливо топала к хватившейся ее и остановившейся в ожидании хозяйке.

Лиза не была уверена в том, что такие прогулки помогут Тусечке похудеть, но утверждать, что от них нет вообще никакой пользы, тоже было нельзя. Поэтому она, как медсестра, сама рекомендовала их Устинье Павловне: никому еще не вредили умеренные движения на относительно свежем городском воздухе.

Насколько Лиза знала, раньше женщина жила в старом районе города, богатом настоящими парками и застроенном исключительно старинными домами. Но потом Устинья Павловна отчего-то разменяла свою роскошную квартиру на тот небольшой «скворечник» в современной многоэтажке, в котором жила сейчас. Почему она это сделала, Лиза не знала и предпочитала не спрашивать, заметив, что женщине неприятны даже упоминания на эту тему.

Оставалось только догадываться, что всему виной был ее непутевый племянник, о котором Устинья Павловна всегда говорила с неприязнью. Чем именно он ей не угодил, сказать было трудно. Сама Лиза видела его лишь раз, когда он навещал свою тетку в больнице, в хирургии, где Лиза работала медсестрой. Там они, кстати, с Устиньей Павловной и познакомились, и было это что-то около трех лет назад. А племянник, попавшийся Лизе на глаза всего только раз, произвел на нее впечатление этакого ухоженного и ни в чем не желающего себя ограничивать ловеласа лет пятидесяти. Женщины обычно таких либо очень любят, либо терпеть не могут. Устинья Павловна, хоть и тетка ему, но тоже особа женского пола, явно была в числе последних. И Лиза, почти его не знавшая, отчего-то была готова к ней присоединиться. Хотя по большому счету ее никак не касались эти отношения. Просто, проникнувшись симпатией к Устинье Павловне, а потом и сдружившись с ней и принявшись ездить к ней домой после ее выписки из больницы, чтобы чем-то помочь, Лиза не могла оставаться от них совсем в стороне.

Оказавшись «в парке», Лиза принялась высматривать среди кустов и среди других гуляющих светлый плащ Устиньи Павловны, который должен был быть замечен издали на фоне недавно распустившейся молодой листвы. На мечущуюся меж двух скамеек светлую фигуру она вначале внимания не обратила, зная, что Устинья Павловна двигается всегда не торопясь. Но вот голос узнала.

– Тусечка! Туся! – отчаявшись найти свою собачку, женщина принялась ее звать.

– Что случилось? – мигом подбежала к ней Лиза. – Неужели пропала? Да как хоть такое возможно?

В самом деле, кому могла потребоваться явно немолодая и не слишком породистая собачина? А уж сама она точно убежать не могла, ввиду того что давно разучилась это делать.

– Не знаю! – простонала хозяйка, заламывая руки. – Только что мы шли с ней по дорожке. Потом мне показалось, что она тихонько взвизгнула. Я тут же оглянулась, а ее вообще нет! Нигде!

– А вон в тех кустах вы смотрели? – Лиза вытянула шею в сторону не стриженных с осени зарослей, где как будто копошился кто-то живой. Но слишком крупный для Тусечки. – Стойте здесь, а я пойду посмотрю! – И пошла туда, в обход скамейки и зеленого бордюра. Но не успела пройти и половины намеченного пути, как собачка внезапно выскочила сама из тех самых кустов и стремглав кинулась к Устинье Павловне. Мимо Лизы, изумленно воскликнувшей: – Да надо же, как умеет!

– Ах, моя хорошая! Лапушка моя! – Женщина подхватила собачку на руки, заставив Лизу вновь отвести глаза от неприятной ей сцены «поцелуев», особенно интенсивных от обоюдной радости питомицы и хозяйки.

Краем глаза Лиза при этом заметила, что в кустах все еще кто-то сидит. Крупная собака? Нет, похоже, что человек! Но если последнее, то вряд ли он засел там с какой-то эстетичной целью.

Эта мысль остановила Лизу, вначале нацелившуюся взглянуть, что там такое в зарослях. Оставалось только надеяться, что Туся, сейчас так рьяно облизывающая хозяйкины губы, выбежала из этих кустов с чистой мордочкой.

– Лизонька, ну все, все, мы больше не будем, – позвала ее Устинья Павловна, так и не спуская взволнованную собачку с рук, а просто перехватив ее по-другому. – Нет, никаких сегодня больше прогулок! Ох, как я перенервничала! Представить себе не могу, что она там такого могла найти, чтобы вот так исчезнуть, минут на пять!

– Ну главное, что нашлась, – ответила Лиза, предпочитая не выкладывать свои подозрения, поскольку делать это все равно уже было поздно. – И что теперь все хорошо. Пойдемте, я вас провожу до подъезда, и заодно вот, возьмите конверт с корешками и сдачей.

– Спасибо, моя хорошая, – Устинья Павловна убрала конверт в свою сумочку. – И домой, конечно, домой! После такой встряски я ничего другого уже не хочу! Думала, у меня сердце выскочит! Лизонька, а ты к нам сегодня зайдешь?

– Я бы с удовольствием, но хотела еще пробежаться по магазинам, а завтра мне на сутки. Вы как по самочувствию, справитесь без меня?

– По самочувствию? Думаю, да! – Устинья Павловна улыбнулась. – Беги, не волнуйся за нас, ты и так потратила время. Я бы и вообще тебя не гоняла, оставляя эти корешки у тебя до следующего месяца, но ты же знаешь нашего старшего по дому! Будет всех проверять, высчитывая общедомовые потери!

– Знаю. Ну всего вам хорошего! Отдыхайте сегодня! А если что, то звоните мне.

На этом Устинья Павловна с Лизой и расстались. Дама с собачкой скрылась в дверях подъезда, а Лиза устремилась через проспект к супермаркету: у нее в сумке лежал целый список покупок.

3

Тревожный звонок Лиза услышала через день. Она как раз пришла домой после суток и только успела прилечь. И тут позвонила Галина, старшая их отделения.

– Але! – буркнула уставшая Лиза в трубку, ничуть не желая скрывать, что не рада звонку.

– В глазах твоих немой упрек я вижу, – усмехнулась Галина. – Но звоню не по пустякам. Наоборот, предупредить тебя хочу. А поспать все равно не удастся.

– Удастся! Хоть убейте – не встану!

– Убить не убьем, а вот следователя к тебе послали домой. Нет, ты только не пугайся, с работой это не связано! Он просто приходил к нам в отделение, спрашивал, как тебя можно найти. А связано это как-то с твоей подопечной. Ну помнишь, с той, которая лежала у нас, и вы с ней еще так дружно спелись, что ты и после выписки стала ее навещать?

– С Устиньей Павловной! – У Лизы была всего одна подопечная. – Но она мне не звонила.

– И не позвонит. С ней что-то случилось, поэтому следак к нам и приходил. По его словам, ему соседи про тебя рассказали, что она дружила с медсестрой из больницы. Вот он и пришел узнать, кто ты да что. Мы уж ему дали твои координаты, не обессудь.

– А что могло с ней случиться?! – Из всех новостей Лизу взволновала именно эта. Даже весь сон как рукой сняло!

– А вот он к тебе придет и расскажет. Мы ему объяснили, что ты с суток, но он сказал, что разговор безотлагательный.

– Блин! Ну спасибо, Галюнь, что хоть предупредила! Буду теперь его ждать! Пока!

Не успела Лиза отключиться, как телефон зазвонил снова. Номер был чужой, но, отвечая, она уже знала, кому он принадлежит.

– Летяева Елизавета Андреевна? Здравствуйте! С вами говорит следователь Иванов Александр Григорьевич.

– Здравствуйте. Я вас жду, мне только что звонили с работы. Но вначале всего один вопрос: что там с Устиньей Павловной? Я сейчас же хотела ей позвонить, но вы меня опередили со своим звонком.

– Звонить ей нет смысла. А обо всем остальном не по телефону, если не возражаете. Ваш сорок третий дом – это же тот, что у реки?

– Да-да! И приходите поскорее, прошу вас! Я очень волнуюсь...

– Скоро буду! – следователь дал отбой.

Лиза взглянула на замолчавшую трубку.

Что там, в самом деле, могло случиться? И почему Устинье Павловне не надо звонить? Что она, неужели в больнице? Все-таки слишком перенервничала позавчера?

Отстоявшая целую смену и невыспавшаяся, Лиза почувствовала, что ее тоже начинает потряхивать нервная дрожь.

Не зная, чем себя занять в ожидании, она вышла пока на балкон.

Не закрывая балконные двери, чтобы не пропустить домофонный звонок, навалилась грудью на перила, глядя на раскинувшийся под балконом пейзаж. Он всегда действовал на Лизу умиротворяюще, это было проверено не раз, после особенно напряженных смен.

Ее дом был расположен весьма своеобразно: если встать лицом к фасаду, то по левую руку, метрах всего в тридцати, несла свои могучие воды река. А с тыльной стороны, куда выходил балкон, было озеро не озеро, а, скорее, заводь, потому что одной своей стороной она вплотную примыкала к речному потоку. Только размеры у этого водоема были куда масштабнее, чем у обычной заводи. Нет, скорее, это было все-таки озеро, на котором в ветреную погоду даже волны поднимались и плескали о берег.

Лиза любила смотреть, как они накатывают на сушу, чтобы потом отхлынуть назад и встретиться со своими последовательницами, только-только спешащими к берегу, и ненадолго сбиться с ними таким кипящим ключом.

Ей с ее балкона это было прекрасно видно, ведь озеро расстиралось прямо перед окнами, так что при сильном ветре и соответствующем направлении, бывало, даже брызги долетали до самых перил. А в хорошую погоду на нем можно было увидеть лодки с рыбаками, вот как сегодня. Летом в нем даже купались, только не с придомовой стороны, а с правого берега, там, где был оборудован пляж и раскинулся парк. Настоящий, не такой, как у Устиньи Павловны.

Женщина несколько раз приезжала к Лизе в гости и была очарована ее жильем. Двумя просторными комнатами, обширным балконом вдоль всей квартиры, даже с парой колонн, но главное – парком и озером. И в скором времени, как еще немного потеплеет, снова хотела приехать. Только вот когда теперь соберется? И что с ней вообще случилось такое, после чего следователю пришлось разыскивать Лизу через соседей и работу? Уж не инсульт ли?!

Лиза все еще ломала над этим голову, когда наконец-то раздался долгожданный звонок в дверь. Она метнулась в прихожую, нажала кнопку домофона, открыла дверь и буквально втащила внутрь появившегося на лестнице мужчину, раскрывшего перед ней свои «корочки»:

– Еще раз здравствуйте! Входите, входите! Сумели вы меня, так сказать, взбодрить с утра! Рассказывайте, что там случилось!? И почему не надо звонить?! Кофе хотите?

– От кофе бы не отказался, при условии, что это не мешает нашему разговору. Он у нас с вами очень серьезный, – под Лизиним натиском следователь прошел на ее просторную кухню, совмещающую в себе также функции столовой, сел в кресло, пристроил на столе свой планшет.

Лиза, привыкшая действовать оперативно, уже плеснула в кофеварку воды, сыпанула кофе. И развернулась к следователю:

– Ответьте уже на мой вопрос, наконец! Что там с Устиньей Павловной? Я вся извелась, пока вас ждала!

– И было из-за чего, – Иванов взглянул на нее так мрачно и серьезно, что Лиза, кажется, все поняла даже прежде, чем он ей сообщил. – Ваша Устинья Павловна умерла.

Лиза отступила на шаг назад, оперлась спиной о подоконник, пытаясь осознать то, что она услышала. Потом глухо спросила:

– Как это случилось? Не позавчера ли? – И, потрясенная страшной догадкой, выдохнула: – Господи, ну почему я к ней не зашла?!

– Елизавета, вы задаете мне сразу столько вопросов, что я не успеваю вам отвечать. Сядьте лучше, кофе я выключу сам. И давайте возьму на себя ведение нашей беседы.

– Валяйте, – Лиза села, вытянула салфетку из салфетницы и уткнулась в нее носом, который, к ее досаде, вечно намокал у нее прежде глаз. – Но все-таки это, наверное, я виновата в том, что случилось. Что я ушла, бросив ее у подъезда.

– Елизавета, давайте вы мне расскажете все, что было позавчера, хорошо? Я знаю, что вы с ней виделись, соседи успели вас заметить в тот день во дворе. Мне нужны все детали вашей встречи, вплоть до последней мелочи. А я потом выложу вам факты и свои соображения по этому поводу.

– Сейчас... С мыслями соберусь... – К этому Лизе, учитывая ее непростую профессию, было не привыкать.

Справилась с первой реакцией на страшную новость и сосредоточилась, пытаясь вспомнить все до мельчайших деталей. А в процессе рассказа даже кофе выключила все-таки сама и налила по чашечке себе и своему гостю. Только свой пить не смогла, а просто держала во время беседы чашку в руках, согревая вдруг отчего-то заледеневшие ладони.

– ... Она сказала, что с ней все хорошо, а я поверила ей и ушла, – закончила Лиза свой рассказ. – А ведь какой-то внутренний голос подсказывал мне, что нужно было хотя бы довести ее до квартиры!

– Елизавета, хватит вам себя казнить. Проводили бы вы ее или нет, это бы мало что изменило. Потому что причиной ее смерти стало отравление. Характер принятого ею яда был таков, что шансов у нее не было. Вот поэтому я и здесь: расследую преступление! Преступление, понимаете? А не несчастный случай. Так вот, по данным экспертизы, яд она приняла добровольно, через рот, но он не был смешан с пищей. И произошло это где-то часа за два до смерти.

– То есть все случилось в парке?! – сразу сообразила Лиза. – Но если вы намекаете, что я могла ей что-то подсунуть...

– Признаюсь, поначалу у меня была и такая мысль. Но я отказался от нее после экспертиз, сопоставленных с теми показаниями, которые получил от свидетелей, оказавшихся в парке в тот момент, когда вы вдвоем нашли свою собачку... Она, кстати, тоже мертва. Скончалась на руках у хозяйки. Та, видя, что ее любимице становится плохо, вызвала ветеринара. Он-то, приехав на вызов, и понял, что помощь нужна самой хозяйке, состояние которой ухудшалось на глазах, а собачка к тому времени уже умерла. Ветврач вызвал «Скорую», однако спасти вашу Устинью Павловну врачи не смогли. Она скончалась вскоре после того, как ее привезли в больницу, в реанимации. На первый взгляд – от сердечного приступа. Но результаты вскрытия насторожили патологоанатома, и он передал дело в Следственный комитет. Тут выяснилось, что и собачкина смерть выглядит очень подозрительно, совпадая с хозяйкиной по времени и внешним признакам. Собачку тоже подвергли вскрытию. А после того, как была выявлена идентичность внутренних поражений, была назначена уже токсикологическая экспертиза. И вот я здесь, еще даже не дожидаясь ее окончательных результатов. Ведь и по предварительным данным, и даже по косвенным признакам уже ясно, что женщину с собачкой отравили, а вы стали главной свидетельницей этого преступления.

– Свидетельницей... – Лиза прикрыла глаза, вспоминая, как счастливая собачка кинулась на руки к не менее счастливой хозяйке. А потом начала лизать ее прямо в губы! Лиза встрепенулась:

– А ведь я знаю, как яд попал к Устинье Павловне! Туська в кустах все-таки чего-то нажралась! И со своим этим языком... – Лиза передернулась от отвращения. – Я никогда не понимала, как Устинья Павловна может любить эти «поцелуи»!

– Насчет пути попадания яда в организм погибшей я с вами согласен. Да, он оказался в желудке женщины без всяких примесей, а в ротовой полости собаки, судя по поражению тканей, его было больше, чем в собачьем желудке, так что вывод напрашивается сам собой: она не глотала его. Скорее всего, кто-то просто запихнул отраву ей в рот, где она быстро начала растворяться. И почти сразу этот концентрат попал на хозяйкины губы. Но вот что собачка могла его случайно найти – это исключено. Сама экспертиза яда еще не закончена, но по симптомам и поражениям внутренних органов специалисты дали предварительное заключение, что яд был использован очень редкий. И главное, в тех немногих лабораториях, где с ним работают, каждая его крупинка строго учтена. Вы-то ведь знаете, что такое учет ядовитых веществ?

– Еще бы. – С ядами Лиза дел не имела, но в отделении имела допуск к работе с наркотиками и с процессом их приема-передачи была знакома не понаслышке.

– Так вот, подобное вещество никак не могло случайно попасть на клумбу городского парка. Это исключено!

– Да какая там клумба! – вздохнула Лиза. – Смех один! А вот в кустах кто-то сидел! Если бы листва на них не была такой еще нежной, я бы этого не заметила! Но сквозь молодую зелень отчетливо виднелся темный силуэт! Возможно, взрослого человека.

– Вот об этом, пожалуйста, поподробнее.

– Хотелось бы, – вздохнула Лиза. – Да только... – и рассказала следователю, что остановило ее на полпути к тем самым подробностям. – Так что вам известно уже действительно все, мне нечего добавить, и я ни в чем не могу быть уверена. Мне лишь показалось, что это мужчина в темной одежде и трикотажной спортивной шапочке.

– В этом вы не ошиблись. Люди, тоже пришедшие в парк погулять, молодая пара с ребенком, заметили, как сразу после вашего ухода из кустов выбрался мужчина, одетый именно так. Но они, как и вы, посчитали, что он присел там, так сказать, по нужде, поэтому сочли за лучшее отвернуться.

– Да... – Лиза тяжело вздохнула. – Если бы я только могла предположить, чем это все обернется! Вы считаете, что это он мог запихнуть яд Туське в рот? Ну да, больше просто некому! А ведь он был буквально у меня перед носом! Мне стоило лишь раздвинуть эти злополучные кусты! Ну почему я этого не сделала, а?.. Пойдите! – Она вдруг осознала еще одну деталь. – Но ведь Туське этот яд могли сунуть и не случайно! Не какой-нибудь там придурковатый догхантер! А кто-то, кто нацелился именно на саму Устинью Павловну!

– Вы только сейчас об этом подумали? А у меня вот, как только я узнал, что за яд использовался в преступлении, эта версия сразу же стала основной. Способ убийства, надо сказать, выбран почти гениально! Убийца совершает свое черное дело прямо среди бела дня, в довольно людном месте, и никто при этом не может понять, что на самом деле видит самое настоящее преступление! Ни вы, ни та пара, ни еще несколько человек, тоже в тот момент гулявших по парку! С трудом, при помощи участкового, но мне удалось их отыскать, ведь в этом маленьком парке гуляют в основном только местные, жители дома. И ни один из них не заподозрил неладное! Единственной ошибкой преступника был выбор этого самого яда! Создается впечатление, что он знал, как действует это вещество, но понятия не имел о том, насколько оно редкое и как строго хранится. Ума не приложу, где он мог его взять?! Еще вчера наши сотрудники начали проводить проверки в лабораториях города, но сомневаюсь, что это хоть что-то нам даст.

– Да, если яд и добыли, то явно не в госучреждениях. Но ведь не секрет, что нынче все покупается, даже колбу с ураном можно достать при желании, через интернет. Главное знать, что искать. А еще, если кто-то покушался именно на Устинью Павловну, то он не только в ядах должен был разбираться, но еще должен был быть хоть немного знаком и с ней тоже. С ее основными привычками. Должен был знать, например, о том, что она любит облизываться со своей собачонкой, иначе вся его затея гроша бы не стоила.

– Естественно, если человек покушается на жизнь другого человека, то у него на это должны быть причины, и, следовательно, он его должен знать.

– Да, в самом деле, – согласилась Лиза. – Это у меня после суток просто голова не работает. Но желать смерти Устинье Павловне? Кто это мог быть? И за что?

– Вот тут мы как раз подходим ко второму вопросу, который я собирался вам сегодня задать. Вы с ней общались около трех лет. И поскольку она, по словам соседей, человек весьма и весьма замкнутый, отчего-то впустила вас в свою жизнь, то вы, наверное, лучше кого бы то ни было сейчас могли бы мне сами на это ответить.

– Знаете, со мной она тоже была не слишком-то откровенна, просто по натуре была такой. Да и я не из тех, кто в душу людям любит лезть без приглашения. Одно могу сказать: с родственниками у нее все было непросто. Племянника она терпеть не может... не могла. За те три недели, что она лежала у нас в больнице, он навестил ее всего один раз, в самом начале, да и то она его выгнала: разругались. После чего, собственно, я и взялась ей помогать, сперва просто из сочувствия и только с покупками, потому что больше к ней никто не приходил. Сестра Устины Павловны, мать того самого племянника, давно умерла от какой-то онкологии. Единственный сын Устины Павловны был промышленным альпинистом и тоже погиб, много лет назад, при проведении каких-то высотных работ. Невестка вскоре после этого загуляла, бросила их сына, Ярослава, на бабушку, и ушла из дома. Насколько я знаю, больше они с Устиной Павловной

никогда не общались. Так что своего внука бабушка вырастила сама, лет, наверное, с пяти. И, судя по ее рассказам, вырос он очень неплохим человеком, но все же осужден сейчас за причинение тяжкого вреда здоровью. Однако его можно понять: его девушку изнасиловали трое подонков, и он им всем отомстил. Но это вы, наверное, и сами должны знать не хуже меня.

– Нет, не знал. Я ведь не могу помнить все дела, какие когда-либо велись в нашем отделе. Тем более те, которые я лично не вел. Так что, как видите, вы уже сумели мне помочь. Давайте еще попробуем. По вашим словам, у женщины было всего двое ныне здравствующих родственников, так? Племянник и внук?

– Получается, так. По крайней мере, больше я ни о ком от нее не слышала.

– Ладно, этот вопрос я попытаюсь уточнить, подняв архивные данные в паспортном столе. А теперь скажите мне, Елизавета, что вам известно о пресловутой коллекции Устиньи Павловны?

– Тоже, наверное, не больше, чем остальным. Я знаю, что она существует и что стоит баснословных денег. Я видела некоторые из экспонатов, когда Устинья Павловна зачем-то приносила их домой. Она мне доверяла и поэтому приглашала полюбоваться. Целиком же мне коллекцию видеть не доводилось – хранилась она не дома, а в каком-то банке. В каком – точно не скажу, не интересовалась. А что, ее пытались украсть?

– Этого пока не проверяли. Но, на мой взгляд, коллекция может быть единственным мотивом для убийства старой больной женщины. А вы как считаете?

– Пожалуй, да. Других причин я не вижу. Мешать она никому не мешала. На квартиру ее, на «скворечник» этот, вполне могли бы позариться, хоть сама она его и не любила. Но квартира должна быть оформлена юридически, в то время как коллекцию можно просто стащить.

– Из банка? Я думаю, это не так-то просто.

– Как я уже говорила, изредка Устинья Павловна забирала некоторые вещи из коллекции домой на несколько дней. Да даже если из банка... наверное, это сделать все-таки не сложнее, чем нелегально квартиру переоформить, а больше, сами говорите, на Устинью Павловну покушаться было не из-за чего... Кстати, – спохватилась Лиза, – Устинья Павловна ведь серьги мне подарила, на мой юбилей! Из той самой коллекции! Но чтобы вы меня не подозревали в чем-то дурном, сразу скажу: на коробке есть надпись, сделанная ее рукой! Так что...

– Вы мне их не покажете?

– Отчего же нет? – Лиза сбегала в комнату, принесла коробочку. Теперь оставалось только радоваться, что, преподнеся ей такую ценную вещь, Устинья Павловна подтвердила факт дарения надписью на крышке. – Вот, смотрите!

Следователь осмотрел внимательно и серьги, и упаковку. Выяснилось, что в коробочку был вложен еще и какой-то сертификат, под подкладку, отчего Лиза сразу его не заметила.

Мужчина изучил его и спросил:

– Если эта вещь потребуется следствию, вы готовы будете предоставить ее?

– Да, конечно. Честно говоря, я так и не считаю ее своей, и была бы рада вернуть ее Устинье Павловне при первой же возможности, но только так, чтобы ее не обидеть.

– Тогда я дам вам пока такой совет: не храните этот подарок у себя дома. Сдайте в какой-нибудь банк, по примеру прежней хозяйки. И старайтесь никому не говорить о том, что у вас есть. Я не специалист, но и на первый взгляд видно: за такие серьги, за одни только серьги, кто-то может оказаться способен убить.

– Опять мы к этому возвращаемся, – Лиза захлопнула коробочку. – Да зачем тогда такие вещи вообще нужны? Из-за которых рискуешь жизнью? А впрочем... Устинья Павловна не любила племянника и как-то заикнулась мне, что всю коллекцию завещала внуку. Но он ее точно не мог отравить, он же в тюрьме до сих пор. И выйти должен только где-то через год. Так что об убийцах-наследниках можно речь не вести. Только о похитителях.

– Я все это уточню, – следователь закончил строчить протокол, одним глотком допил уже остывшие остатки кофе, протянул планшет Лизе. – Вот, подпишитесь здесь. Только вначале прочтите. Это ваши показания.

Лиза пробежала взглядом по расплывающимся перед глазами строчкам, расписалась под ними. Потом вспомнила еще одну деталь:

– У Устиньи Павловны дома хранился фотокаталог ее коллекции. В нем что-то около двадцати уникальных экспонатов, и его она мне тоже показывала. Всего один раз – я не большой любитель таких безделушек, так что должного восторга не проявила, за что больше не удостоивалась такой чести. – Лиза не сдержала улыбки, вспомнив свои споры с пожилой женщиной о подлинной и относительной ценности тех или иных вещей, теплыми зимними вечерами, за чаем у электрокамина. Потом тяжело вздохнула, осознавая, что ничего этого больше не будет. – Вы найдете его в книжном шкафу, справа, на третьей полке.

– За эту информацию тоже спасибо. Больше вы ничего не хотите мне сообщить?

– Пока нет. Может, позже еще что-нибудь вспомню? Вы бы оставили мне свой номер телефона.

– Да, конечно. Вот, – следователь вырвал из блокнота листочек с номером.

На том они и расстались. Следователь ушел продолжать работать. А Лиза снова вышла на балкон, чувствуя, что в ближайшую пару часов ей точно уже не уснуть, какой бы уставшей она ни пришла после смены.

Вот так бывает: еще позавчера ты общался с человеком и попрощался с ним, думая, что совсем ненадолго, а потом выясняется, что больше ты уже никогда его не увидишь! И пусть Лиза по роду своей деятельности уже сталкивалась с такими случаями не раз и не два, но чужие люди – они и есть чужие, а вот Устинья Павловна успела стать для нее своей.

В немалой степени эта яркая, умная и интересная женщина сумела заменить Лизе родителей, живущих почти за пять тысяч верст от нее. Расстояние, на которое много не наездишься. С ними, конечно, еще можно было по скайпу поговорить, но все равно это было не то что живое общение с глазу на глаз, особенно учитывая разницу в часовых поясах. Поэтому Лизе и были так дороги неторопливые и интересные беседы с Устиньей Павловной, в процессе которых можно было и узнать что-нибудь интересное, и хороший совет получить. И вот теперь ничего этого уже не будет! Никогда!

Глядя на катящее свои волны озеро, Лиза шмыгнула носом, потом утерла глаза. Разреваться бы сейчас, отчаянно, в голос, как в детстве, чтобы выплеснуть все за раз! Но постоянно сдерживать свои эмоции уже настолько вошло у нее в привычку, что вот теперь и дать бы себе волю, да уже не получалось, никак.

«Взрослые метаморфозы», как называла это Устинья Павловна.

Лиза снова шмыгнула носом. И еще раз, вспомнив надпись на коробочке с серьгами: «Лизоньке от Устиньи Павловны в День рождения! Теплого тебе семейного очага и большого женского счастья!»

Эта женщина, доживавшая свой век наедине со старой собачкой, понимала Лизу, как никто другой! Этому, наверное, способствовало еще и то, что именно с ней Лиза была всего откровеннее. Не боясь сплетен и подводных камней, в ответ на ее вопросы выкладывала ей о своей жизни все как на духу. А если чего-то и недоговаривала, то лишь потому, что незачем было разжевывать прописные истины этому мудрому человеку.

Мудрость... Устинья Павловна утверждала, что человек приобретает это качество лишь где-то ближе к пятидесяти. Лиза же была уверена, что первый шаг по этой лестнице она сделала еще в двадцать семь, когда отказалась от свадьбы, уйдя буквально из-под венца.

Устинья Павловна качала головой и просила не путать мудрость с обычным жизненным опытом. Но тут Лиза не была готова с ней согласиться. На что ее пожилая собеседница отвечала, что она просто пока толкует это понятие как-то не так, и что это осознание тоже придет

к ней только с годами. Ну а пока надо пользоваться тем, что есть, как бы оно ни называлось, и просто жить, преодолевая пороги судьбы. Одним из которых когда-то стала Лизина свадьба. Точнее, ее отмена. После которой Лиза усвоила одну простую истину: если хочешь хорошо узнать человека, с которым ты собираешься жить, вовсе не нужно съедать с ним пуд соли. Достаточно лишь раз просто взглянуть на него во время мальчишника. И тогда все станет на свои места, и ты узришь его истинное лицо, каким бы оно тебе ни виделось до этого.

После Лиза не раз с горечью спрашивала себя: зачем, знакомясь, люди обычно стараются казаться не тем, что они есть? Зачем пытаются выглядеть лучше? Ведь ни один не сможет носить эту маску долго. А когда сорвет ее с себя, все равно ведь все пойдет прахом. Так стоит ли тратить время на этот спектакль и вращать другому человеку в самую душу? Чтобы тебя потом вырывали оттуда, превращая ее в кровавую кашу...

Лиза помотала головой, словно пытаясь вытряхнуть оттуда тягостные воспоминания. О том, как она, по звонку тайного доброжелателя, приехала в тот ресторан, в котором накануне свадьбы расслаблялся с друзьями ее жених. И о том, что она там увидела и услышала.

Конечно, может, он просто куражился, когда кричал собутыльникам, что единственной может быть лишь та баба, которую в данный момент... Может, и тех двух девиц он обжимал просто по пьяной глупости. Но Лиза ни того, ни другого простить ему не смогла. И не была согласна с Устиньей Павловной, сказавшей как-то, что мудрый человек, скорее всего, просто никуда бы не поехал, тогда бы и нечего было прощать, и что отношения строятся годами, так что, возможно, все бы у Лизы еще наладилось, решишь она все-таки на семейную жизнь.

Не была согласна, потому что была уверена: нет, не наладилось бы, если уже с самого начала ее несостоявшийся муж позволял себе такие выходки и высказывания. Ведь в лучшую-то сторону меняться всегда сложнее, чем идти на поводу у своих пороков. Для того, чтобы стать лучше, нужно работать над собой и решаться на какие-то жертвы. А был ли вообще на это способен тот человек, которого Лиза увидела в ресторане? Или все повторялось бы снова и снова, особенно после того, как у них появился бы ребенок? Он бы гулял, а она бы сидела дома. Как Вера, одна из ее соседок по подъезду, оставшаяся в одиночестве с малышом на руках. Нелегкая доля! Лиза знала об этом не понаслышке, потому что Веруня, под давлением жизненных обстоятельств, неоднократно просила ее посидеть со своим младенцем. С довольно капризным, надо сказать. Но и у Лизы ребенок вряд ли был бы спокойнее, учитывая, в каких условиях бы им приходилось жить и сколько нервов вытрепывал бы ей Никитушка своими загулами!

– Да провались ты! – в сердцах выдохнула Лиза.

И в самом деле, ударилась в воспоминания, когда и без них хватает неприятностей! Точнее, даже горя.

Когда-то та же Устинья Павловна сказала ей: «Все в жизни можно исправить, непоправима одна только смерть».

С этим Лиза тоже не полностью готова была согласиться.

Вот, например, с Никитой, с бывшим своим женихом, она тоже ничего уже не могла исправить, хоть и были оба живы-здоровы. Или просто не захотела? Он пытался просить у нее прощения, с пьяной неуклюжестью, в тот же вечер, но Лиза его даже слушать не стала. В итоге под утро, поняв, что свадьбе все равно теперь не бывать, он был уже мертвецки пьян. А потом, с большого бодуна, рассорился с Лизой, и вся их великая любовь пошла прахом. И личная жизнь у обоих с тех пор оставляла желать лучшего. Он за прошедшее время уже успел и скоропостижно жениться, и развестись, оставив жену с ребенком. То есть сейчас опять жил один, но при случайных встречах с Лизой не упускал возможности неизменно ее подколоть на тему ее собственного одиночества. А Лиза с тех пор просто разуверилась в мужчинах, больше не позволяя себе сколько-нибудь серьезно увлекаться еще кем-нибудь.

Так было ли возможно все это когда-то исправить? Наверное, все-таки нет. Но можно было хотя бы попытаться, стоило лишь все друг другу простить и очень этого захотеть.

А вот Устинью Павловну уже не воскресить никакими желаниями и усилиями, и даже попыток не может быть, ни одной. Так что, возможно, в главном она была права...

Тут слезы все-таки хлынули у Лизы из глаз, заставив ее убежать с балкона, где ее могли услышать соседи, упасть на диван и уткнуться в подушку.

Умер чужой вроде бы человек, просто знакомая пожилая женщина... Но как же Лизе будет ее не хватать!

4

Похороны Устины Павловны были скромными, хотя Лиза знала, что у женщины были накоплены «похоронные» деньги. Но то ли племянник, который взял на себя их организацию, уже знал о завещании не в его пользу, то ли просто не пылал к своей тетке любовью, но расстараться не пожелал.

Недорогой гроб, небольшая горстка людей на кладбище, а после – скоротечные поминки в скромном кафе.

Лиза зашла туда, лишь соблюдая приличия. И очень быстро ушла, потому что перезрелый ловелас-племянничек начал проявлять к ней интерес и даже пытался ее удержать, предлагая после поминок заскочить вдвоем в более приличное заведение.

Лиза едва удержалась от того, чтобы устроить скандал и рассказать ему, что как раз в более приличном заведении ему стоило поминать свою тетку, а не присваивать ее деньги, устраивая этот фарс. После чего решила проводить Устину Павловну в меру своего понимания и возможностей: поехала в церковь, дождалась, когда освободится батюшка, и попросила его отслужить панихиду. А потом еще съездила в приют для бездомных собак и от имени женщины, которая всегда была равнодушна к животным, отвезла туда гостинцев. И только после этого, чувствуя, что на душе стало легче, поехала домой.

Когда она вышла из автобуса на своей остановке, уже смеркалось. Но Лиза особо не торопилась: завтра у нее все равно еще был выходной. Поэтому она пошла к своему дому не кратчайшей, прямой дорогой через парк, а той, что была подлиннее, изгибаясь по нему подковой.

Этот маршрут в полной мере позволял послушать тихий плеск волн о пляжную насыпь и шелест молодой листвы и ощутить нежный аромат цветущих кустарников.

Как-то раз Лизе довелось побывать на севере, у родителей, в начале мая, и она была в шоке от местной весны. Та вела себя как захватчик, до последней минуты отсиживающийся в укрытии, а потом выскакивающий в стремительном набеге... и вот его уже нет! Оглянуться не успеешь, как конец зимы уже обернулся летом!

У них здесь, к счастью, все было не так. Здесь весна начиналась рано и шагала степенно, давая возможность радоваться каждому новому дню: вот сегодня одни листики распустились, завтра – другие, а третьи – вообще через неделю, в результате чего постепенно густеющему парку долго удавалось сохранять свою юную нежность. И цветы зацветали не оптом, словно боясь опоздать, а каждый в свой срок, неторопливо раскрывая бутоны... и до роз еще точно дело не доходило! А именно они сейчас и явились Лизе на глаза. Правда, в букете.

– Смоляков, опять ты? – недовольно спросила Лиза, проследив от букета через протянутую руку и до кустов, за которыми пряталось все остальное тело цветonoсца.

– Привет, Лизонька! – он вышел на тротуар, улыбаясь во все свои тридцать два крупных белых зуба под задорной щеточкой усов. – А я тебя вначале ждал на главной дорожке. Потом смотрю – в обход пошла. Ну и решил тебя здесь подкараулить.

– И зачем? Ты считаешь, что вы мне на работе еще не надоели, всей вашей массой?

– Масса – это когда много, а я тут один. И потом, уже выписался, так что больше не вхожу в контингент твоих пациентов.

– Пациентами для меня остаются пожизненно, – Лиза с досадой оглядела мужчину.

Хотела пройти в тишине, но теперь это вряд ли удастся. И, что самое печальное, этот тип одним своим появлением уже вывел ее из равновесия.

Недавно, когда он лежал у них в отделении с аппендицитом, у Лизы не раз возникало огромное желание вообще запустить в него чем-нибудь потяжелее. За его развязность, за его идиотские шуточки про «медицинскую секс-индустрию». Лизу это бесило до невозможности! И какой только кретин мог навязать ее профессии этот стереотип?!

Одно про него можно было точно сказать: сам он в настоящей больнице никогда не работал. Потому что, особенно после «гениальных» реформ Минздрава, если у медперсонала в стационарах и были, так сказать, тесные сексуальные отношения, то только с самой работой. После которых никаких других уже даром было не надо – дай бог только смену отстоять да домой доползти.

– Смоляков, и какая только зараза вообще тебе мой адрес дала?

– Если бы! Самому пришлось визнавать. Иначе и телефончиком бы твоим разжиться сумел, чтобы узнавать, когда вообще ты бываешь дома.

– Для тебя – никогда. Так что убирай свой букет, он тебе в другом месте сегодня еще пригодится.

– Это в каком именно? Ты меня уже много куда посылала.

– На этот раз сам пойдешь. Не мне тебе рассказывать, где девочку можно снять. Точно лишь могу сказать, что только не здесь.

– Лиза-Лизонька, да у меня и в мыслях такого не было! Я ж к тебе от чистого сердца!

– Смоляков, чтобы отчистить твой кусок миокарда, его нужно дня три кипятить. Минимум! Причем желательнее в щелоче.

– Жестокая ты девушка, Лиза.

– Я не жестокая, я злопамятная. И не забыла еще, сколько нервов ты мне вытрепал на работе. Так что сделай милость, не продолжай меня терроризировать в мирное время. А то теперь послать ведь могу уже и открытым текстом.

– Можно подумать, ты этого уже не делала.

– В относительно вежливой форме, соблюдая профессиональную этику. И не советую проверять, как это будет выглядеть без нее. Короче говоря, не буди во мне зверя, Смоляков! Уйди с дороги по-хорошему.

Он постоял, подумал. Но, видимо, даже ему, оптимисту, выражение Лизиного лица не дарило и тени надежды, потому что он решил больше не настаивать на своем.

Вздыхнул:

– Ладно, Лизонька, не буду тебе надоедать. Рим ведь тоже не сразу строился, верно?

– А кто тут про Рим говорит? Тут, Смоляков, пороховой склад, к которому лучше вовсе не приближаться. Ни-ког-да! Уяснил?

– Ну типа того. Лизонька, ну прости, что я не сразу сумел тебя распознать! Иначе никогда бы не стал с тобой так себя вести! И цветы все-таки возьми. За все те неприятности, что я доставил тебе, пока у вас лежал.

– Если за все неприятности, то тут целой машины мало, – проворчала Лиза. Но букет все же взяла. – Спасибо, Смоляков. Если свои грехи кому-то начнешь перечислять, то этот можешь упоминать как прощенный.

– Так, может... – встрепенулся он.

– Про «может» и думать забудь! – не дав ему договорить, отрезала Лиза. – Давай простимся по-хорошему, пока снова не разругались.

– Ну хорошо, давай так. Рад был снова тебя повидать.

– В качестве ответной любезности скажу, что рада с тобой расстаться. Всего тебе хорошего, Смоляков, и больше не болей. По крайней мере, хирургическими болезнями.

– Постараюсь, – протянул он уже ей вслед.

А Лиза, отказавшись от прогулки по парку – даже если он сейчас сразу уйдет, настроение все равно уже будет не то, – напрямик направилась к дому.

Она уже достала из сумочки ключи и готова была приложить «таблетку» к домофону, как кто-то окликнул ее, хрипловатым таким баритоном:

– Лиза? Летяева?

Оглянувшись, она увидела рядом с собой еще одну мужскую фигуру. И не удержалась от возгласа:

– Блин, да у вас что сегодня, день открытых дверей?!

– Если я помешал, то могу уйти, – сразу ответил мужчина.

– Не надо так торопиться, – в полутени подъезда Лиза толком не могла рассмотреть своего неожиданного визитера.

Бывший пациент, как и Смоляков? Но с чем хоть лежал у них в отделении?

Как ни старалась, Лиза не могла такого припомнить. Это был мужчина лет тридцати пяти на вид, высокий, худощавый, подтянутый, очень коротко стриженный. И лицо в синяках, что еще больше затрудняло опознание. Так что, не желая затягивать этот процесс, Лиза прямо спросила:

– Ты кто будешь-то, человеке?

Ответ едва не убил ее наповал:

– Меня зовут Ярослав Неверов. Вы, возможно, слышали обо мне от...

– Ярик?! Господи, да откуда ж ты взялся-то? Нет, ничего пока не говори. Пойдем ко мне, там все расскажешь.

Первой Лизиной мыслью было: внук Устиньи Павловны сбежал из тюрьмы! Иначе как бы он здесь мог появиться? Ему же еще сидеть и сидеть. Но, отбросив все опасения прочь, она потащила его к себе в квартиру – слишком много была о нем наслышана, чтобы теперь смогла бы относиться к нему как к чужому.

– Входи, вот тебе тапочки, – в прихожей Лиза достала из шкафа парочку гостевых. – Сейчас я тобой займусь, только цветы поставлю в воду.

Она сняла обертку с букета роз, налила воды в хрустальную вазу. Немного подумала: куда бы это поставить? Цветы были ни в чем не виноваты, но все же были способны напомнить Лизе о том, кто их дарил. А вспоминать про Смолякова ей как-то не очень хотелось.

В конце концов она поставила их на столик, в гостиную. Потом развернулась в поисках Ярослава и обнаружила, что он так и стоит у дверей.

– Ну что же ты? Проходи! – позвала она, вглядываясь в него повнимательнее. Показалось ли ей, или она сегодня уже видела эту фигуру на кладбище? – Ты тоже был сегодня на похоронах?

– Да, приходил. Не мог не прийти, – он все-таки отошел от входной двери. Попросил: – Можно мне у тебя руки помыть?

– Да, конечно! Вот! – Лиза достала ему чистое полотенце. – А потом приходи на кухню, – и устремила туда, чтобы успеть накрыть для неожиданного гостя на стол.

Особых изысков у нее в холодильнике никогда не водилось, но суп и гречка с тушенкой присутствовали. Подумав, Лиза решила поставить на стол еще и бутылку водки. Слишком уж угнетенным, каким-то затравленным показался ей Ярослав. Так пусть, решила она, немного снимет с себя напряжение. Заодно они и Устинью Павловну помянут.

Он мылся основательно: когда вышел из ванной, у него были влажными и его короткие волосы, и даже воротник. Спросил:

– Куда мне деть полотенце?

– Да брось пока там, на стиральную машинку. И давай за стол.

– Лиза... мне не хотелось бы тебя стеснять. Я хотел просто поговорить. И потом, судя по цветам, ты кого-то ждешь?

– Да боже упаси от таких гостей на ночь глядя! – с чувством ответила Лиза. – Так что садись! – И подвинула ему стул.

Запоздало вспомнила, что вроде как у вышедших из тюрьмы принято говорить не «садись», а «присаживайся». Потом снова озадачилась вопросом, как он мог появиться здесь раньше срока. Но решила, что ни слова не спросит, пока не даст человеку нормально поесть.

Он вел себя очень сдержанно, даже чересчур, но Лиза в силу своей профессии умела распознавать скрытые эмоции людей и видела, что он сейчас голоден.

Поглядывая на Лизу исподлобья, Ярослав принялся за суп.

Желая его раскрепостить, она налила им по стопке. Подняла свою:

– Давай не чокаясь. За Устинью Павловну. Она мне так много рассказывала про тебя, что я как будто сто лет тебя знаю.

– Мне она тоже про тебя писала, – мрачно глядя куда-то в пустоту, Ярослав тоже поднял стопку. – Поэтому я и решился тебя побеспокоить. Увидел тебя на похоронах и сразу понял, что это именно ты.

– А как ты узнал, где я живу?

– Никак. От кладбища сопровождал тебя на расстоянии, до самого твоего дома.

– Это неслабый у тебя такой вояж получился! – вырвалось у Лизы. Надо же, а она ничего такого даже и не заподозрила! Или просто все это время думала совсем не о том? – Так почему бы тебе вместо этого было ко мне сразу, еще на кладбище не подойти?

– Были причины не мозолить людям глаза. – Ярослав одним махом осушил стопку и поставил ее на стол. Замялся, будто решая, как продолжить этот разговор.

– Скажи мне честно: из тюрьмы ты сбежал? – прямо спросила Лиза.

Он взглянул на нее в немом изумлении. Потом мрачно усмехнулся:

– Ты думаешь, это так просто? Нет, не сбежал. Освобожден по УДО, уже вторая неделя пошла. Бабуле сообщать об этом заранее не хотел, чтобы зря не волновалась. Думал уже здесь осторожно ее подготовить и сделать сюрприз. Да не судьба, оказалось. Хорошо, хоть узнал про то, что с ней случилось, до того, как ее похоронили, и на кладбище успел.

– Но отчего так получилось? – озадачилась Лиза. – Ты сказал, что вышел больше недели назад...

Он обвел рукой вокруг своего разбитого лица:

– Ну не мог же я ей показаться в таком вот виде. Решил вначале дождаться, чтобы синяки сошли, а уж потом...

– Опять с кем-то подрался? – спросила Лиза, из рассказов зная о его вспыльчивой натуре.

– Да. На вокзале. Так получилось, сцепился с двумя живодерами. Эти уроды собаку приняли избивать, и я не смог мимо пройти!

– Ясно. Ладно, ешь давай, а то все остынет. Остальное потом расскажешь.

– Да рассказывать, в общем-то, нечего, – он снова принялся за еду, уже в процессе сообщая подробности: – Приехал. В паспортный стол со своей справкой об освобождении даже соваться пока не стал: там ведь фотография нужна для нового паспорта, а у меня физиономия разбита. Так что перебивался пока на подхвате, там, где для работы оформляться не нужно. А по вечерам, бывало, заживал в бабулин микрорайон: думал, может, выйдет прогуляться, так хоть увижу ее, сам не попадаясь ей на глаза. Соскучился я по ней за эти годы. У меня ведь, по сути, кроме нее, больше и нет никого, – он как-то сдавленно кашлянул, снова склоняясь над тарелкой.

Дождавшись, пока он доест оставшийся суп, Лиза убрала пустую тарелку и поставила перед ним гречку:

– Ешь. Устинья Павловна рассказывала, что ты с детства гречневую кашу любил, а у меня как раз сегодня она.

Ярослав лишь молча кивнул в ответ, замер над тарелкой.

Угадывая его желание, Лиза плеснула ему еще водки. Он, почти не глядя, опрокинул ее в рот.

– Еще? – спросила Лиза, видя, что он все еще не в силах продолжить еду.

Он снова кивнул, она налила. Себе чуть-чуть, ему – почти до краев, так как понимала его душевное состояние.

Да, непросто было вернуться в город, в котором тебя больше никто не ждет! Устинья Павловна долго не решалась сообщить ему про предательство любимой девушки, за честь которой он отомстил, расплатившись за это своей свободой. А теперь и сама ушла в мир иной, так и не дождавшись встречи с внуком.

– А где ты все это время жил? – спросила она, когда он перевел дыхание и все-таки взялся за кашу.

– Да где придется. Много ли мне надо-то? После нар любая скамейка периной покажется.

– Ну ты даешь! Что же раньше меня не отыскал? Это ведь было не так трудно сделать! Знал ведь наверняка, где я работаю, ведь именно в больнице мы с твоей бабушкой и познакомились.

– Я не хотел тебя беспокоить. И не стал бы, если бы не случилось вот этой беды...

– Ну и напрасно. Пожил бы пока у меня, а уж я бы тебя Устинье Павловне не выдала. И, раз тебе некуда идти, сегодня ты тоже останешься здесь, даже не спорь! Хотя... Ты ведь в бабушкиной квартире прописан, и теперь имеешь право туда вселиться. Разве не так?

– В принципе, так. Но, видишь ли, есть одна загвоздка. Поэтому я и пришел сегодня к тебе. Мне нужно, чтобы ты все рассказала мне про бабулю. Я, в своем полулегальном положении, не сразу смог узнать о ее смерти, но теперь знаю еще и то, что она была кем-то отравлена, эта новость уже по всему микрорайону расползлась. И в магазинах, и на улице судачат о том, как в парке отравили хозяйку с собачкой. Но я хотел бы услышать подробности, и кроме как у тебя, мне про них не у кого больше спросить.

– Ну если ты так считаешь... – Лиза была уверена, что внуку Устиньи Павловны логичнее всего было бы прийти со своими вопросами прямо к следователю, однако не стала с ним спорить, тем более что он уже был здесь. Так что оставалось лишь рассказать ему то, что знала: о неизвестном человеке в кустах, как-то ухитрившемся заманить туда Тусю, о мазке яда в собачью пасть и о том, как этот редкий яд через собачкин язык попал потом в организм к ее хозяйке. – Вот, собственно, все, что я знаю, и вряд ли даже следователь пока знает намного больше, – закончила Лиза.

– Да, – вздохнул Ярослав. – Никогда не понимал этой бабулиной страсти лизаться со своими собачонками. А Туську жалко. Хотя, может, оно и к лучшему, что они с бабулей умерли в один день, уж очень друг к другу были привязаны. Я Туську сам когда-то с улицы притащил, страшную – жуть! Грязную, блохастую, сваянную. Думал, бабуля нас обоих тут же, с порога, вышвырнет вон. А она отмыла мою находку, выходила. И с тех пор я не помню, чтобы они расставались.

– Только раз, когда Устинья Павловна лежала в больнице. И тогда Туська по ней так скучала, что хозяйкиной смерти точно б не пережила. Да кто бы подумал, что она сама станет тому причиной?

– Не она. А тот, кто траванул их обеих, – Ярослав сжал руки в кулаки. – Узнать бы, кто он такой!

– Ради тебя я надеюсь, что следак узнает об этом раньше и успеет спрятать его в камере от твоего самосуда. На вот, выпей, успокойся хоть немного, – Лиза снова ему налила. – А потом я твое лицо осмотрю. По-моему, ссадина на скуле у тебя нагноилась. Надо ее промыть, остальное намажем кремом от синяков. Они и так уже бледнеют, но с мазью все еще быстрее пройдет. Потом получишь ты свой паспорт и сможешь зажить нормальной жизнью.

– Как сказать. – Ярослав осушил очередную стопку одним глотком. Потом посмотрел на Лизу: – Заживу, если снова не посадят.

– Так ты что, успел искалечить кого-то из тех, на вокзале?! – ахнула Лиза.

– Нет. Те как раз живы и, к моему сожалению, здоровы вполне. Дело в другом: где гарантия, что это меня не заподозрят в убийстве бабули?

– Ну вот, здарсьте! Тебя-то за что?

– Лиз, ты так говоришь потому, что жизни не нюхала. А между тем на кого бы еще повесить всех собак, как не на меня? Гарантированно «глухаря» не будет! И подхожу ведь по всем статьям! Завещание на кого написано? На меня. Бабуля мне и в тюрьму об этом писала, так что быстро докажут, что я это знал. Потом: приехал и затаился в городе вместо того, чтобы сразу домой прийти. Сразу понятно: что-то замышлял! Так почему бы мне не оказаться тем самым мужиком, что сидел в кустах? И никому не докажешь, что я никогда бы в жизни Туську даже шлепнуть не смог, а не то чтоб убить, уж не говоря про бабулю. Это недоказуемо! А вот то, что у меня на момент убийства алиби нет, потому что я ночью халтурил, а днем в пустом вагончике отсыпался – это факт!

Он замолчал, принял у Лизы из рук очередную стопку и стал доедать кашу.

Лиза взглянула на него повнимательнее. На разочарованного жизнью, одинокого и снова загоняемого виражами судьбы не в самый лучший угол. Ведь вполне может оказаться, что он прав и что его действительно заподозрят. А там останется лишь гадать, чем все это может закончиться, потому что облить грязью, как известно, всегда гораздо быстрее и легче, чем потом от нее отмыться. Хорошо, если ему повезет с адвокатом. А если не очень? И если еще племянник Устиньи Павловны попытается подгадить, просто в отместку за завещание? Устинья Павловна была о племяннике далеко не лучшего мнения. А вот внука она очень любила. И Лиза, не только из чувства справедливости, но и из уважения к памяти покойной, чувствовала себя обязанной чем-то ему помочь.

Все еще раздумывая, она встала со своего места, поставила чайник. Достала колбасу и сыр, наделала бутербродов. А потом, принимая решение, снова села за стол и, глядя Ярославу в лицо, начала говорить:

– Значит, сделаем так: твое алиби я тебе обеспечу. Тебе останется только запомнить, что я скажу. А я сообщу следователю, что видела тебя на границе парка сразу после того, как мы с Устиньей Павловной оттуда ушли. Ты высматривал свою бабушку из-за трех высоких елок. Знаешь ведь, где они растут? Гулявшая в парке молодая пара видела, как убийца вылез из кустов уже после нашего ухода, так что, если бы там сидел ты, то никак не смог бы успеть к этим елкам и попасться мне на глаза. Камер наблюдения там, насколько я знаю, нет, так что мои слова никто не сможет опровергнуть. В общем, запомни это и тверди всякий раз, как тебя начнут спрашивать. А я следяку скажу, что вначале не придавала этой встрече значения, потому что не узнала тебя. Но после того, как ты сегодня ко мне пришел...

– Лиза, это называется лжесвидетельство. Между прочим, за него и статья предусмотрена. Так что я не думаю, что это хорошая мысль.

– А у тебя есть какая-нибудь получше? Или предпочитаешь, чтобы на тебя, если следствие пойдет в тупик, действительно свалили все, что только возможно?

– На оба вопроса ответ будет «нет», – сказал он, потупившись.

– Тогда и не спорь. Ради справедливости иногда стоит пойти на жертвы. Впрочем, тут о жертвах-то речь и не идет, потому что, если оба мы будем настаивать на своем, то никто не сможет доказать обратное. Уяснил? Я с радостью готова тебе помочь. Ради Устиньи Павловны. Мне она была очень дорога. А она тебя очень любила.

– Я знаю, – Ярослав стиснул зубы, вздохнул.

Не желая его смущать слишком пристальным вниманием, Лиза принялась заваривать чай: в бутылке уже мало что осталось, так что больше ей нечего было ему предложить. Поставила чашки на стол, пододвинула ему бутерброды и вазу с конфетами:

– Вот, пей чай. А потом подлечу тебя немножко, и отдохнуть. День у нас с тобой у обоих был сегодня нелегким.

– Это точно, – согласился он, разворачивая конфету. – Но раз уж я решился сегодня злоупотребить твоей добротой, то пусти уж тогда и в ванную. Чтобы я не размазывал грязь, а смыл ее, всю.

– Да мне что, жалко, что ли? Иди, конечно, мойся, сколько душе угодно. И вещи свои сразу в машинку кидай. Я покажу, как ее включить, как раз к утру высохнут.

– За это тоже спасибо, – он поднялся, даже не став допивать свой чай.

Лиза сунула ему в руки еще одно полотенце, на этот раз банное, и установила на машинке нужный режим, чтобы та приступила к стирке, не тратя времени зря.

Вскоре из ванной послышался шум льющейся воды и работающей машинки, а Лиза пошла в гостиную разбирать для Ярослава диван.

Он вышел нескоро, Лиза успела еще и кино посмотреть – видимо, здорово соскучился по домашним водным процедурам. Сама бы она уже с радостью легла спать, и, конечно же, присутствие гостя вносило в ее быт некоторые неудобства. Но в то же время отраднo было сознавать, что делаешь человеку добро. И не просто человеку, а внуку Устиньи Павловны.

– С легким паром! – приветствовала она, увидев его в проеме комнатной двери.

– Спасибо, – он смущенно кивнул, проверяя, хорошо ли закреплено на бедрах банное полотенце. – Ты прости, что я в таком виде, но все вещи отправил в стирку, а сменного белья с собой нет. Так что уж...

– Не парься на этот счет, я на работе еще и не такое видела, – отмахнулась Лиза. – Садись лучше вот в это кресло, под лампу. Окажу тебе посильную медицинскую помощь – и спать!

Он сел, откинулся на спинку кресла.

Глубокий порез на скуле у него действительно успел загноиться за эти дни в антисанитарных условиях, так же, как и еще один, почти под глазом.

Пришлось аккуратно вскрывать эти раны и промывать. Ярослав стойчески терпел все, что делала Лиза, и даже старался не морщить лицо, чтобы ей не мешать.

– Да уж, – вздохнула Лиза, справившись и заклеивая раны пластырем. – Зашивать все это надо было еще несколько дней назад. А теперь уже поздно, инфекция пошла. Так что заживать будет долго.

– Ничего. На мне, как на собаке, все зарастает на раз, – чуть грубовато ответил он.

Лиза наклонилась, смазывая теперь мазью его синяки, чтобы ускорить их рассасывание. Но замерла, ощутив, как рука Ярослава внезапно переместилась с подлокотника ей на спину, в области талии.

– Ярик! – она посмотрела ему в глаза. – Руки на место, и давай-ка без глупостей.

– А у тебя что, кто-то есть? – спросил он, обжигая ее тяжелым горящим взглядом. И удерживая так, что Лиза была вынуждена податься всем телом вперед, почти нависая над ним. – Так ты ему все равно ничего теперь не докажешь, раз ночевала в одной квартире с чужим мужиком.

– А я не в прокуратуре, чтобы кому-то что-то доказывать, – Лиза выгнулась, попыталась отцепить от себя его руку, но быстро отказалась от этой затеи, поняв, что силы у них неравны. И снова пустила в ход слова: – А тебя я впустила в свой дом лишь потому, что была уверена: внук Устиньи Павловны никогда не применит насилия к женщине.

– А без насилия никак? – спросил он глухо.

– Никак. Ты мне не чужой, Ярик, после рассказов твоей бабушки я не могу быть к тебе равнодушной. Но это совсем другое, так что руки прочь, – ответила она, глядя ему в глаза и замечая, что они начинают гаснуть, постепенно принимая осмысленное выражение.

В конце концов он отвел свой взгляд и выдавил из себя:

– Прости.

– Прощаю, – почувствовав, что свободна, Лиза выпрямилась. – Но больше так не делай, если не хочешь, чтобы мы рассорились. И, кстати, остальное домажешь сам, перед зеркалом, – она вложила ему в руку тюбик. – Спокойной ночи!

– Спокойной, – угрюмо процедил он ей вслед.

Оставив Ярослава в гостиной одного, Лиза заглянула в ванную, собираясь вытащить из машинки выстиранное белье. Но выяснилось, что Ярослав уже все развесил и ванную за собой ополоснул. Так что Лизе оставалось лишь спокойно лечь спать, да вот только весь сон как рукой сняло!

Нет, она могла понять Ярослава: молодой мужчина, которому выпитое ударило в голову и у которого наверняка последние несколько лет не было женщины. Тут немудрено от одного только ее вида голову потерять... и все равно неприятный осадок остался.

Так что, уйдя к себе в спальню, Лиза вначале даже хотела придвинуть на ночь к двери тяжелый комод. Но потом, представив себе, сколько это потребует усилий и сколько шума создаст, она ограничилась тем, что просто подперла стулом дверную ручку.

5

К утру стало ясно, что все Лизины опасения были напрасны. Ни ночью, ни утром Ярослав к ее двери даже не подошел.

Он встал рано, перегладил свои вещи – благо утюг с гладильной доской стояли на видном месте. И, одевшись, уже успел отремонтировать в Лизинем жилище пару-тройку мелочей, до которых у нее самой все никак не доходили руки.

Когда она вышла из спальни, он как раз закреплял розетку на кухне, которая отчего-то вечно вылетала из стенного колодца.

– Привет. Ты бы лучше чаю себе вначале согрел, – сказала Лиза, заглянув на кухню перед тем, как скрыться в ванной.

– Привет, – ответил он, не отрываясь от дела. – Не хотел тут без тебя хозяйничать.

– А чем тогда сейчас, по-твоему, занимаешься? – улыбнулась она.

– Хаос ликвидирую. Что ж тебе мужики цветы дарят, а мелким ремонтом заняться слабо?

– Стала б я еще этого вчерашнего дарителя пускать на порог! – фыркнула Лиза. – Да и других тоже. Нет, милоч, ты – исключение из правил. Так что спасибо за помощь!

– Рад был оказаться полезным, – отозвался он. – И это... еще раз прости за вчерашнее.

– Хорош уже мусолить неприятную тему, – отмахнулась она в ответ. – Лучше чайник поставь. Как раз вскипит, пока я умываюсь. Потом позавтракаем, а затем договоримся о встрече со следователем, у меня есть его телефон.

– Так ты насчет своего заявления так и не передумала?

– Я же уже сказала, что алиби у тебя будет. А менять решения – это не в моих правилах.

С утра следователь оказался занят, так что попали к нему Лиза с Ярославом, успев не только позавтракать, но и пообедать.

– Гражданин Неверов? – сразу после обмена приветствиями обратился к Ярославу следователь. – Вот, значит, вы где? А я уже несколько дней ломаю голову над тем, куда же вы могли подеваться после УДО, если не к своей бабушке.

– Я его именно поэтому к вам и привела: знала, что вам будет интересно с ним побеседовать. Найти же человека несложно, главное, надо было знать, где искать и кого. Это я не о себе сейчас, а о нем говорю, – тут Лиза принялась излагать следователю обстоятельства своих встреч с Ярославом – второй, настоящей, и первой, вымышленной. Так искусно сплетая правду и ложь, что следователь, кажется, ни на один миг не усомнился в правдивости ее рассказа. Выслушав Лизу, попросил у Ярослава справку об освобождении и заметил, сделав в ней какую-то пометку:

– Сразу по прибытии вы должны были явиться для постановки на учет.

– При условии, что добрался до места жительства, – возразил Ярослав. – Чего пока что не произошло...

– И не произойдет в ближайшее время, – заявил следователь. – Нет, я согласен посодействовать вам в улаживании формальных вопросов. Но... Дело в том, что квартира вашей бабушки, в которой вы тоже прописаны, на данный момент опечатана. И там, в связи с новыми открывшимися обстоятельствами, еще будут работать наши эксперты.

– Что касается, так сказать, «порта приписки», то Ярослав в таком случае останется у меня, – воспользовалась наступившей паузой Лиза. – Возьмите на заметку, если это нужно для ваших формальностей. А вот насчет новых обстоятельств, то, если не секрет, каких именно? Было бы интересно узнать. И не исключено, что даже полезно. Ведь, как ни крути, а мы с Ярославом не чужие люди Устинье Павловне. В любом случае мы должны быть в курсе событий.

– С вами, Елизавета, трудно поспорить, – следователь усмехнулся, потом нахмурился. – Речь идет о пресловутой коллекции покойной гражданки Неверовой. По вашему, Лиза, указанию мы нашли ее каталог. В отличие от самой коллекции, которая словно канула в воду.

– Как так?! – в отличие от Ярослава, сумевшего сохранить невозмутимость при этом известии, Лиза едва удержалась от того, чтобы вскочить со стула. – Пропала? Из банка? Да разве такое возможно? Вы же сами недавно мне говорили...

– Говорил, что это трудно сделать. Но невозможного в этом мире почти что нет. Особенно если на кон поставлен огромный куш. Да не исключено, что гражданка Неверова могла и сама все вынести, по какой-то своей прихоти. Когда приходила в банк для того, чтобы изъять ваш, Лиза, подарок. По показаниям видеозаписи, в этот день при ней был весьма вместительный ридикюль, в который спокойно могла бы войти вся коллекция – она ведь по объему, в отличие от стоимости, не является слишком большой. А по правилам этого банка, в нем соблюдается тайна вложений. Так что, открыв клиенту его ячейку, сотрудники оставляют клиента наедине с ее содержимым. До тех пор, пока он сам их не вызовет нажатием кнопки. Поэтому мне остается пока лишь гадать, было ли это похищением или проявлением воли покойной, решившей в этот день забрать из банка все свое имущество, при этом не отказываясь от ячейки. Для установления истины наши эксперты делают сейчас все возможное. Ну а еще наши сотрудники сейчас обходят ломбарды, имея при себе распечатанный каталог, в который занесена вся коллекция.

– Ну и дела! – выдохнула Лиза, когда они с Ярославом оказались уже на улице. – Я-то думала, что ни у одного человека нет повода для убийства Устины Павловны! Но если коллекция оказалась у нее на руках... Да ты не грусти раньше времени, – обратила она внимание на хмурый вид Ярослава. – Может, все еще и найдется.

– Да я эти побрякушки, в отличие от бабули, терпеть не мог! – с чувством ответил он. – Видя, как она с ними носилась: забирала из банка, чтобы в очередной раз перебирать их, даже дала им всем имена. Порой это уже выходило за рамки нормального! Так что у меня нет причин грустить об их потере! И даже материального интереса нет их вернуть, потому что в своем завещании бабуля, насколько я знаю, почти все экспонаты отписала мне без права продажи. Нет, меня просто раздражает, когда кто-то что-то пытается решать за меня. Даже не спрашивая моего мнения на этот счет.

– Ты это о чем?

– О твоем заявлении следоку. Что я буду жить у тебя.

– Вон ты из-за чего! Ну да, я не за тебя – за себя решение принимала. Прикинула, что какое-то время смогу потерпеть рядом с собой другого человека. Если же ты с этим не согласен, то просто позвони следователю и сообщи о перемене адреса. Только и всего! Хотя у меня тебе все же было бы комфортнее: и ванна есть, в которой ты, как я поняла, полоскаться любишь, и я работаю по скользящему графику, так что время от времени квартира будет в полном твоём распоряжении целыми сутками. Гуляй не хочу, только порядок поддерживай.

– Спасибо! – кивнул он с мрачной иронией.

– Всегда пожалуйста! Ну так что? Ко мне пойдем или же будем характер показывать? Честно скажу: если ты уйдешь, меня это обидит. Но переживу.

Они остановились посреди тротуара, повернувшись друг к другу лицом.

Ярик, все еще какой-то взвинченный, хотя и пытающийся себя сейчас обуздать. И Лиза, спрашивающая себя, а долго ли она сумеет вынести присутствие квартиранта? Потому что работа у нее была не из спокойных, и лишние нервытрепки еще и дома были ей совсем ни к чему. И не будь Ярик внуком близкого ей человека, к тому же теперь еще и покойного, ей бы и в голову не пришло снижать себе подселенцем градус жизненного комфорта. Но он им был. Поэтому она и ждала сейчас, что же он ей ответит.

– Лиз, прости, – выдавил он из себя после недолгой паузы. – Леший его знает, что на меня иногда накатывает. И спасибо тебе за твое предложение. Ты не очень огорчишься, если я

им и правда воспользуюсь? – Надо же! Он словно ее мысли прочел! – Ненадолго. Думаю, что однозначно не больше чем на пару недель.

– Да живи ты сколько хочешь! Обычно несколько первых дней бывает трудно, пока притирка идет. А потом уже срок не имеет значения.

– Ну на этот счет я бы мог очень сильно тебе возразить и привести при этом кучу ярких примеров! – Он снова тронулся в путь, своим примером побуждая к этому и Лизу. – Но не стану. Не хочу прошлое ворошить. А еще будем надеяться, что у нас с тобой выйдет все по-другому.

Да, было не как в коммуналке, и уж тем более не как в тюрьме, на которую наверняка намекал Ярослав. Но каждая из сторон, имея выбор, наверное, все-таки предпочла бы жить в одиночку.

Лизе ее квартирант не мешал, был нетребователен и аккуратен во всем, и даже в материальном плане ухитрялся ее не обременять, покупая продукты. Но стеснял. Ведь при нем ей приходилось все время помнить, например, про халат, без которого теперь даже из душа в спальню было не пробежать. И в гостиную лишний раз она теперь старалась не заходить. И даже сама квартира с соседом воспринималась теперь как-то иначе, чем когда была в полном Лизиним распоряжении. Даже когда его не было дома, все равно было что-то не то.

Хотя бывал он дома не так уж и часто. Дав ход вопросу с документами, а еще, с разрешения следователя, забрав из все еще опечатанной родной квартиры свою прежнюю одежду (в которой сразу же резко переменялся весь его облик, в лучшую, разумеется, сторону), Ярослав вплотную занялся поисками работы, соответствующей его инженерно-техническому образованию.

В его родном городе, да с его прежними знакомствами это оказалось не так сложно, как можно было бы ожидать, учитывая, откуда он вернулся. Так что уже с третьего дня Лиза его видела преимущественно лишь утром да вечером. Подтянутого и элегантного, в костюме с галстуком. Хотя на работе, как знала Лиза, ему нередко приходилось менять этот костюм на рабочий, но домой он являться в таком виде никогда себе не позволял, переодеваясь снова.

Трудно было поверить, что это был тот же самый человек, которого Лиза привела сюда первый раз: с едва отросшими волосами и разбитым лицом, какого-то запыленного, больше похожего на гастарбайтера. А теперь хоть волосы у Ярослава не стали намного длиннее и на лице все еще угадывались следы побоев, но во всем его облике появился какой-то шарм.

Однако тот, впервые явившийся, был как-то проще и ближе, а с этим Лиза временами даже испытывала неловкость, несмотря на то что на работе привыкла общаться с любым контингентом.

Например, уже не могла позволить себе, как любила, сидеть с поджатыми ногами за обеденным столом – в присутствии Ярослава это казалось непозволительным. Мелочи, а досадно. Да и аккуратность его была какой-то военной, строгой. Не допускающей ни пятнышка на зеркале в ванной, ни ниточки на полу. И теперь Лизе приходилось тщательно за этим следить: она знала, что Ярослав молча все за ней подберет, а ей, если она это заметит, потом будет стыдно. Но ощутимым плюсом для Лизы в этом сосуществовании стало то, что Ярослав худо-бедно все-таки отвалил от нее Смолякова.

Этот субъект, так и не вняв Лизиним словам, продолжал подкарауливать ее возле дома, каждый раз с букетом.

Лиза мстительно брала у него цветы – если никак не уймется, так пусть, по крайней мере, это влетает ему в копеечку! Но как он ни напрашивался к ней в гости, а каждый раз вынужден был распрощаться с ней возле подъезда. Пока однажды внаглую не просочился с кем-то вместе в подъезд и не позвонил к ней в квартиру.

На его счастье, Лизу в этот вечер внеурочно вызвали на работу, а то он много чего успел бы послушаться, прежде чем она бы его вытолкала взащей. А так его ждал всего лишь сюрприз в виде открывшего ему дверь Ярослава.

Сюрприз, скорее всего, неожиданный и, наверное, не слишком приятный, но зато вполне мирный. Про то, что Смоляков приходил, Лиза, вернувшись утром с работы, вообще узнала лишь по очередному букету.

Ярослав не порывался дарить ей цветы, тем более что и смоляковские вянуть не успевали, заполняя вазы. Так что она сразу догадалась, кто вчера заявлялся. Именно заявлялся – картина маслом, как один мужик отдает цветы другому прямо на улице, представлялась как-то с трудом. Даже при условии, что шпионистый Смоляков уже успел все выяснить про Лизиного квартиранта и знал, к кому подходить.

– Надеюсь, забрав цветы, ты спустил это чудовище с лестницы? – с надеждой поинтересовалась она у Ярослава вечером, после того как он вернулся домой.

– Борьку-то? Почему он чудовище? Нормальный мужик. Мы тут вчера вечером с ним посидели, поговорили за жизнь под бутылочку. Прости, что без твоего разрешения, но ты ведь вроде не была против гостей в твое отсутствие?

– Смотря каких, – Лиза покачала головой.

– Он пообещал, что больше не будет активно тебе докучать.

– Лучше бы он поклялся вообще никак этого не делать!

– С этим хуже, – усмехнулся Ярослав. – Похоже, что этот парень серьезно в тебя влюблен. И не из тех, кто так просто от мечты готов отказаться.

– Я же от своей отказалась. От мечты вцепиться ему когтями в его лукавую морду и полосовать ее, пока не устану. А заодно еще и выщипать по волосинке все его усы.

– Лиза! – Ярослав воззрился на нее в изумлении. – Никогда бы не заподозрил в тебе такую кровожадность, при твоей-то гуманной профессии.

– Милый мой, а вот бабушка твоя меня понимала! Потому что чем гуманней профессия, тем больше, случается, в ней работает мизантропов. Нет, вначале туда все идут романтиками, всем сердцем готовыми помочь ближнему своему! Но, как правило, это потом проходит. Как раз при активной помощи этих самых ближних. Вот и я успела утратить свою готовность любить весь мир, очень часто сталкиваясь с наездами и откровенным хамством тех, кому пытаешься помочь. Некоторые особи за пять минут способны на весь день угробить все настроенье! Еще хуже, что одно такое существо, обосновавшись в палате, бывает способно настроить против персонала всех своих соседей по ней. Подобное только одни святые могут выдержать и не ожесточиться, а с ними в нашем брэнном мире всегда была напряженка. Для остальных же медработников спасают ситуацию лишь люди, которые и в больнице остаются людьми. Они как-то уравнивают весь этот контактный негатив, за что им большое человеческое спасибо. Таким, как твоя бабуля. Но Смоляков в их число не входил!

– Что, неужели и он тебя чем-то обидел? На хама он совсем не похож.

– Он и без хамства сумел справиться, при помощи одной своей беспардонности. Так что я еле дождалась того светлого часа, когда его, наконец, выпишут вон. И не успела еще перекреститься ему вслед, как он уже тут нарисовался... – Лиза глубоко вздохнула, возвращая себе утраченное спокойствие. И уже мирно продолжила: – Пойдем-ка лучше ужинать. Пока ты переодеваешься, я накрою на стол.

Справившись с этой задачей, она дождалась Ярослава, и оба они отдали должное тому, что она успела приготовить за день. Но вот, когда дошла очередь до чая, в спокойную атмосферу вечерней столовой ворвался телефонный звонок.

– Кто это может быть? – удивилась Лиза.

– Следовательно, – ответил Ярослав, отвечая на адресованный ему вызов. Недолго поговорил, ограничиваясь в основном короткими ответами типа «да» или «нет», и лишь почти в

самом конце разговора выдал целую фразу: – Я вас уверяю, что знать об этом не знал. Но бабуля могла там делать все, что захочет, на ставя меня в известность, характер у нее был такой... Нет, причины затеянного ею размена квартир я не знаю, просто дал свое официальное согласие, когда бабуля об этом попросила – у меня не было привычки оспаривать ее решения.

– Что случилось? – поинтересовалась Лиза после того, как он положил телефон на стол.

– Несанкционированное проникновение в опечатанную квартиру. Тянуть не надо было с ее обследованием! И тщательнее искать! Оказалось, что бабуля в квартире успела сделать какой-то тайник, аналогичный тому, какой когда-то был в нашей старой квартире. В толще стены, где рядом проходила вентиляционная шахта, и настолько хорошо, что даже специалисты его не обнаружили. А вот взломщики знали, где надо искать! Сумели открыть дверцу и все обшарили внутри. Теперь на повестке дня остается вопрос, а много ль нашли? Судя по записям с камеры у подъезда, ушли они тоже налегке, как и приходили. Но и коллекция не тяжела.

– А кто именно приходил? Не рассмотрели?

– Нет, конечно. Неужели ты думаешь, что незваные гости об этом не позаботились? О том, чтобы их не смогли опознать? Ясно только, что их было двое, мужчины. Надеюсь, следак не подозревает, что я был одним из этих двоих? Вроде причин для этого у него нет, но что-то голос мне его не понравился.

– Ерунда! Зачем тебе ломиться в квартиру, в которую тебя и так вскоре пустят? На законных основаниях!

– Не знаю, мне его мысли прочесть не дано.

– А вот этим, кто там побывал, было самое время туда залезть, – задумчиво протянула Лиза, оставив полупустую чашку. – Пока хозяин, то есть ты, там не появился. И не начал порядки свои наводить. Но вот что касается всего остального... ты не находишь, что это очень странно? Забранные из банка драгоценности, за которыми последовало убийство, а потом этот взлом? Тайник, о котором не знал даже ты, родной внук, и не нашли специалисты, но зато взломщикам о нем было прекрасно известно? Я вот о чем думаю: если Устинью Павловну отравили из-за коллекции и если квартиру сегодня взломали, то это что выходит? Что ее убийца так до сих пор ничего и не нашел? И возможно, что даже сегодня ушел с пустыми руками, так что продолжит искать коллекцию, которая исчезла неизвестно куда?

– Возможно, – мрачно сверкнул глазами Ярослав.

Можно было лишь догадываться, какие мысленные пожелания он сейчас шлет неведомому убийце.

– Так ведь тогда... – Лиза оживилась, охваченная внезапной идеей. – Ты знаешь, а если они и сегодня ушли ни с чем, то мы бы с тобой могли попробовать поймать этих взломщиков на живца! А там уж потянулась бы ниточка. Ведь не знаю, писала тебе твоя бабушка или нет, но у меня есть одна вещь из ее коллекции: она мне серьги из нее на мой юбилей подарила.

– Да, она как-то спрашивала в письме, не буду ли я возражать, если она так поступит. Я ответил, что нет.

– Спасибо. А теперь, как видишь, ты не только мне доброе дело сделал. Возможно, что и тебе теперь эти серьги сослужат добрую службу. Короче, я предлагаю упрятать их понадежнее и выставить на продажу! Опубликовать объявления с фото на специализированных сайтах. И если убийца была хорошо знакома коллекция, ради которой он решился на свое преступление, то он эти серьги не сможет не узнать. А мониторить объявления он будет наверняка: если коллекция до сих пор ему не досталась, то логично, что он будет искать ее всеми доступными методами. А что лучше расскажет ему о ее судьбе, как не объявление о продаже одного из экспонатов от нового владельца? Убийца-то ведь не должен быть в курсе того, что серьги с некоторых пор пустились в самостоятельную жизнь! Так мы на него и выйдем, и сдадим его следаку. Тем самым и с тебя снимем все подозрения.

– Лиз... Я бы не назвал эту идею удачной. Как ты собираешься его вычислять среди других, порядочных покупателей? Но самое главное, он ведь может начать не с торгов, а сразу с того, чтобы своими методами с тобой разобраться. А на что он способен, можно судить по тому, что он сделал с бабулей.

– Вот, по методам мы его и вычислим! Если подумать, это не такой большой риск: ведь меня ему нельзя убивать до тех пор, пока я не расскажу ему, куда дела коллекцию. Иначе он опять рискует остаться с носом. Так что он обязательно должен будет попытаться похитить меня и поговорить. И тут настанет твой черед! Пока он пытается поймать меня, тыловишь его, а дальше уже действуем по обстоятельствам. Правда, тебе придется при его отлове приложить все усилия к тому, чтобы не потерять самоконтроль! Помни об этом! А еще какое-то время тебе придется со мной пожить, даже если тебе квартиру вернут. Но ведь, согласишься, оно того стоит?

– Стоит или не стоит, но мне эта затея, вся в целом, не по душе. Так что давай доверим расследование специалистам, хорошо? Пусть ведут его, как умеют, а ты даже не думай вступать в него, я тебя об этом прошу.

Лиза и не думала! Она вообще не любила долгих раздумий. Надо делать или не делать. А если начинаешь колебаться и сомневаться, то лучше и вовсе не начинать, потому что все эти колебания только подрывают уверенность. А там, пропорционально этому, и шансы на успех летят вниз. Так что... нет, Лиза не стала настаивать на своем и уговаривать Ярослава. Она просто сфотографировала серьги, определила их для надежности в банк, как ей уже советовали сделать, и выложила фотографии на ювелирных и антикварных сайтах.

В конце концов, она официально была хозяйкой своим серьгам и могла делать с ними все, что ей вздумается. В том числе и заломить за них такую цену, которая сразу отвалила бы от лота всех случайных охотников. Теперь клюнуть на ее предложение могли только либо истинные ценители, коих должно быть немного, либо преступник, жаждущий завладеть всей коллекцией.

Этот, к счастью, должен быть и вовсе один... максимум двое, судя по записи с камер у подъезда Устиньи Павловны. Оставалось как-то решиться и сообщить Ярославу о том, что наживка заброшена и следует ждать поклевки.

Ярослав, как и ожидалось, оказался от Лизиной самостоятельности не в восторге.

Услышав ее признание, вначале попытался сдержаться, а потом все-таки психанул, поразив столешницу коротким, но сильным ударом кулака, так что все чашки на ней зазвенели. Потом Лизе пришлось выслушать лекцию про безголовых баб, которые лезут, куда их не просят, и даже ни с кем не советуясь. Звучало все сдержанно, в манере хорошо воспитанного человека, но от этого не менее обидно и зло. Так что Лиза и сама взвилась под конец:

– Ну и ладно! Если не хочешь мне помогать, без тебя обойдусь! Справлюсь уж как-нибудь, ради Устиньи Павловны! Чтобы восстановить справедливость! А ты можешь до самой пенсии ждать, когда официальное следствие во всем разберется!

Жаль, что в кухне не было такой двери, которой можно было бы хлопнуть в сердцах, не опасаясь, что с нее все стекла осыпятся. Но Лиза отвела душу на комнатной двери, с силой затворив ее за собой.

Отдышалась, обеими руками уперевшись в письменный стол с интерактивной фоторамкой, глядя на красивые пейзажи и приходя в себя после бурного всплеска эмоций. И как раз дошла до того этапа, на котором люди обычно начинают раскаиваться, для начала все осознав и устыдившись своей вспышки гнева, как в дверь постучали.

– Лиза! Можно войти? Прости, я погорячился. – Ярослав, оказывается, тоже успел дойти до этого этапа! – Но с другой стороны, нельзя же так! Ты поступила безрассудно.

– Лучше уж так, чем вообще никак, – уже более мирно сказала Лиза, развернувшись от стола к нему лицом.

– Ну все-таки, раз это меня тоже касается не в последнюю очередь, то ведь можно было как-то со мной этот вопрос согласовать?

– Ты был против. Так что мне оставалось? Встать рядом с тобой и топтаться на месте?

– Нет. Но хотя бы на некоторое время отложить подачу твоих объявлений. У меня сейчас рабочий процесс, и всю ближайшую неделю я буду занят. При всем при том, что надо будет тебя подстраховывать. Но я сейчас не в том положении, чтобы диктовать работодателю свои «хочу – не хочу», ты понимаешь?

– Понимаю. – Он не жаловался, но по отдельным фразам, а порой и просто по его молчанию Лиза видела, что ему и в самом деле сейчас непросто, на птичьих правах и серой зарплате. Но в его ситуации выбор был невелик: лишь бы за что-то пока зацепиться. Так что приходилось отдавать все свои знания и интеллект на условиях заказчика. – И не вижу больших проблем. Из больницы меня вряд ли кто-то осмелится похищать, там камеры и охрана, так что на мои смены на целые сутки ты будешь абсолютно свободен. А в выходные, если ты будешь занят, я могу и вовсе из дома не выходить. Так что...

– Хорошо бы, – подражая Лизе, чуть откинувшейся на стол, Ярослав подпер спиной шкаф. Постоял, молча рассматривая ее. – Вот только жизненный опыт подсказывает мне, что не все на проверку выходит так же хорошо, как было задумано.

– Как было задумано, всегда только у министров выходит, да и то только лишь на бумаге. Так что нюансы, конечно, могут возникнуть. Но вряд ли их последствия станут для нас глобальными. Я буду осторожна.

Они опять замерли, молча глядя друг на друга, потом Ярослав вздохнул:

– Ладно! Раз ты уже заварила эту кашу, отступать все равно теперь поздно! Но! Без меня никуда не выходи, а если будешь назначать встречи с потенциальными покупателями, то давай время обговаривать, чтобы я был дома.

– Хорошо! Но только помни, что в такие моменты твое присутствие возле меня должно оставаться незаметным для окружающих!

– Лиз! Ну я же ведь не идиот?

– Да, непохож, – Лиза окинула его взглядом, такого всего подтянутого, какого-то породистого, несмотря на не самую лучшую жизненную ситуацию. Наверное, именно этим он и напоминал ей Устинью Павловну больше всего: не чертами лица, в которых у него с бабушкой было мало общего, а этой вот неуловимо звучащей аристократичностью. – Тем лучше! Значит, будем использовать твои интеллектуальные возможности на полную катушку.

6

Хорошая была затея, но сорвалась! Потому что, вопреки ожиданиям, первый же звонок по поводу объявления, на следующий же день, сделали не покупатели и даже не бандиты, а следователь.

– Здравствуйте, Лиза! Хотел бы вас спросить, что вы такое затеяли?

– Что именно? – не связывая этот звонок со своим замыслом, в первый момент Лиза испытала искреннее недоумение.

– Ваши серьги! Мне сегодня позвонил уважаемый и известный в своих кругах антиквар, у которого мы и сами нередко консультируемся. И сообщил мне, что на продажу выложены серьги из коллекции покойной госпожи Неверовой. Следом поступило еще несколько аналогичных звонков от людей, к которым наши сотрудники обращались с каталогом.

– А, это! – Лиза уже успела понять, что к чему. Но не собиралась выкладывать своих планов следователю, не желая нарываться на еще одну отповедь по поводу своей самостоятельности. Уж лучше пусть он считает ее идиоткой! – Да, знаете ли, решила перевести эти украшения в денежный эквивалент. Деньги нужны, да и слишком уж опасна эта ювелирка в своем натуральном виде.

– И подходящее же время вы для этого выбрали! – судя по голосу, следователь подумал о Лизе именно то, что она и ожидала. – Да вы хоть понимаете, чем вам это может грозить?! При всем при том, что у меня катастрофически мало людей и я не могу сейчас выставить возле вас круглосуточное наблюдение.

– И не надо! Ярослав тоже не одобрил моего поступка, но все-таки он подстрахует меня, если что.

– Остается надеяться хотя бы на это! Но, тем не менее, убедительно прошу вас убрать пока из сетей все ваши объявления. Сегодня же, желательно прямо сейчас, пока их успело прочесть еще не слишком много народа! Повремените с этой продажей до конца следствия! И еще, раз уж зашла речь о гражданине Неверове, то хочу вас спросить: вы точно уверены, что видели его, согласно вашим показаниям, возле тех самых елок?

– Точно так же, как вас сейчас слышу.

– А не могли ошибиться? Принять за него другого человека с разбитым лицом?

– Вряд ли. Ведь, кроме разбитого лица, остается одежда, прическа. Фигура и рост, наконец. А что, вы его в чем-то подозреваете? Откуда взялись такие сомнения?

– Нет-нет, просто кое-что не укладывается в сложившуюся схему. Вот и решил уточнить, пользуясь случаем.

– Зря это вы. Ярославу не было никакого интереса замышлять что-то против Устины Павловны. Во-первых, по завещанию все равно вся коллекция досталась бы ему одному. А во-вторых, свою бабушку он любил, уж можете мне поверить.

– Спасибо за информацию. А теперь, пожалуйста, займитесь тем, о чем я вас только что просил! Уберите все свои объявления. Сразу, пока еще не поздно.

– Хорошо, раз вы настаиваете, – попрощавшись, Лиза мрачно замерла с трубкой в руке. Она уже настроилась на возможную опасную игру, собралась с духом, и вот на тебе – срочный отбой, еще на стадии заброса наживки! Потому что коллекция оказалась слишком известна. И потому, что среди ее знатоков оказались не столько увлеченные, сколько законопослушные и честные люди, оказавшиеся в курсе событий после того, как к ним уже обращалась полиция. А главное, следователь – не Ярослав, с ним не очень-то поспоришь. То есть, в принципе, можно было попытаться, но внутренний голос четко подсказывал Лизе, что делать этого все же не следует. Лиза же привыкла прислушиваться к этому внутреннему собеседнику, потому

что плохих советов он ей еще не давал. Так что пришлось скрепя сердце идти и удалять свои старательно сочиненные опусы.

Ярослав, разумеется, оказался этим очень доволен! Вернувшись с работы и выслушав Лизины новости, облегченно вздохнул:

– Ну вот и слава богу! Нашлась-таки на тебя управа!

– А не с твоей, случайно, помощью? – подозрительно осведомилась Лиза, стоя на пороге ванной комнаты и наблюдая, как Ярослав, вымыв и вытерев руки, теперь сноровисто протирает салфеткой зеркало, на которое попала пара капель воды.

– Нет. Но честно скажу: только потому, что мне такая удачная мысль просто в голову не пришла. – Повесив салфетку, он встал напротив Лизы, загородившей ему проход.

Она чуть замешкалась, глядя на него: красив, черт возьми! С каждым днем все лучше становится! И не только потому, что восстанавливает свой прежний облик, далекий от образа вчерашнего зэка, а еще и потому, что Лиза, кажется, начала к нему привыкать. И привязываться тоже.

Давно ли он стал здесь жить? Но все реже заставлял ее вспоминать о причиняемых неудобствах. Зато одним своим присутствием стал способен согреть Лизино существование и стал для нее все милее, так что ради него она была бы теперь готова и на куда большие жертвы, чем постоянная мелкая уборка и вечно надетый халат. Теперь она уже не вздыхала с облегчением, когда его не было дома, а, наоборот, ждала, когда он придет, наблюдая за временем, ловя его шаги еще на лестнице. Сама не успела заметить, как это все вдруг так изменилось! И как же пусто без него тут станет, если он все-таки вернется к себе!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.